

Да здравствует
демократическая республика!

ЦѢНА ОТД. № ВЪ
РОЗН. ПРОДАЖѢ 45 К. И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 50 К.

306 нн
1917/33
НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 33

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1917

СЕНТЯБРЬ.

О Н Ъ С П А С Е Т Ъ .

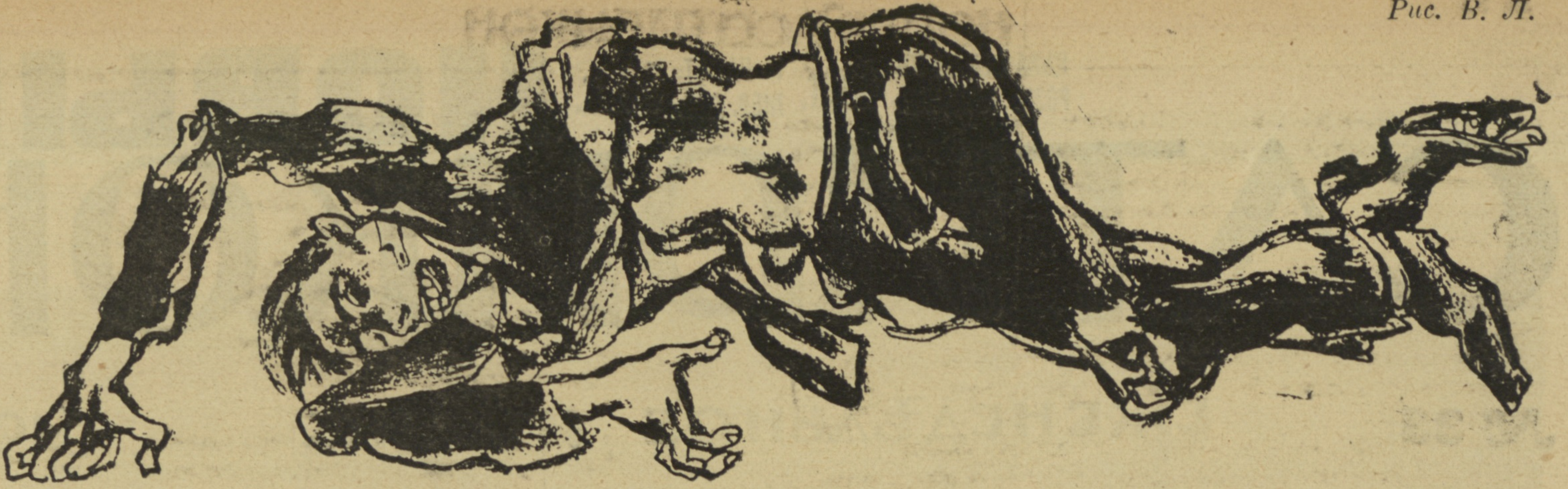
Рис. Г.-ми.

— „Когда отечество въ опасности —
спасайте его“.

(Изъ речей гг. Гябушинскихъ.)

— Спасайте! Стыдно сидѣть, сложа руки, когда отечество въ огнѣ! Пусть каждый спасаетъ что можетъ!

В О Й Н А.

Я шель домой. Застрявъ у поворота,
Увидѣлъ флагъ, напаянный на жердь.
Я подошелъ. Мнѣ объяснили: рота
По улицѣ нарядной шла на смерть.

Рѣзнулъ, какъ ножъ, отвѣтъ простой и грубый.
Нагая правда выперла, какъ фаршъ
Изъ овоща наполненнаго. Трубы
Запутанный наигрывали маршъ.

Струило солнце огненную лаву,
Толпу людей преобразая въ рать,
Въ чужихъ смертяхъ свою провидя славу,
Какой-то вождь училъ ихъ умирать.

Красивыя слова упали жестко.
Но улица просила красоты.
Изъ нѣжныхъ ручекъ дѣвушки-подростка
Нагрѣтые взлетѣли вверхъ цвѣты.

Неслось «ура» застѣнчиво и слабо...
А рядомъ, за спиной бородача,
Совсѣмъ беззвучно всхлипывала баба
Въ трясуційся платокъ изъ кумача.

Эммануиль Германъ.

МАРКИЗЪ ГАЛЛИФЭ.

Утромъ журналистъ Ушастовъ написалъ горячую передовую статью, въ которой допускалъ окончаніе войны лишь при условіи присоединенія къ російскимъ областямъ Галиціи, Буковины и сѣвера Германіи вплоть до Данцига, этого «исконно-славянскаго Гданска», а кстаті ужъ наложилъ на врага контрибуцію въ размѣрѣ 50 миллиардовъ и прибилъ Олеговъ щитъ на вратахъ Царьграда. Тутъ же онъ, съ рѣшительностью Наполеона, пожертвовалъ ради выполнения великой стратегической задачи двумя корпусами: они должны были погибнуть цѣликомъ, до послѣдняго человѣка, для обезпеченія будущаго клина, послѣдующаго прорыва и мощнаго удара въ обнаженный непріятельскій флангъ.

Мадамъ Ушастова, помогавшая мужу держать корректуру, замѣтила кротко.

— Ты бы не такъ страшно, Мишенька. А то могутъ сказать: «Смотрите, сколько онъ крови пролилъ, а самъ спасается въ тылу по бѣлому билету...» Вотъ, и то на-дняхъ Твердолюбовъ говорилъ...

Мужъ отмахнулся отъ нея рукой, какъ отъ мухи.

— Ерунда! мнѣ все равно, кто что говорилъ. И твой Твердолюбовъ — бездарный плагиаторъ, а не критикъ. Съ перомъ, у письменнаго стола, я также исполняю свой долгъ передъ родиной, какъ и солдатъ съ бомбометомъ или мортирою въ рукѣ... Конечно, если бы понадобилось... Вѣдь ты сама, кажется, знаешь что я не трусь?

Жена отвѣтила странно-неопредѣленнымъ тономъ, въ которомъ слышались: и сомнѣніе, и подтвержденіе, и какая-то разсѣянная уклончивость:

— Да...

Среди дня, журналистъ Ушастовъ въ блестящемъ фельетонѣ, выдержанномъ въ стилѣ благороднаго и пламеннаго пэроса, пѣлъ гимнъ святому слову «свобода». И приподымалъ завѣсу надъ золотыми сияющими далями соціальной

революціи. «Намъ скажутъ, — писалъ онъ, — что переворотъ не обошелся безъ крови. Но мы гордо возразимъ на эти слезливыя ламентации заячьихъ сердецъ: если понадобятся для закрѣпленія добытой свободы новыя жертвы, — мы не задумаемся ихъ принести. Кровь подобна паяльному составу, соединяющему навѣки разнородные металлы...»

— Опять кровь, Мишенька! — робко вставила жена, которой писатель читалъ эти строки вслухъ.

— Что такое кровь? Красный соусъ, какъ говоритъ Киплингъ... Не больше. Приготовляя яичницу, неизбѣжно разбиваешь яйца. Ты женщина, ты сантиментальна и ты никогда не поймешь всего этого...

— Нѣтъ, ты ужасно кровожаденъ, Мишель. Ужасно! Ты бы хоть изъ приличія... Неловко какъ-то. Вотъ ты, напримѣръ, состоишь въ Сѣверо-Помощи... А знаешь, какъ ее называетъ Твердолюбовъ? — Скверной немочью.

— Вонъ изъ моей комнаты! — крикнулъ мужъ. — Ступай къ своему Твердолюбову!

Послѣ обѣда журналистъ Ушастовъ писалъ очередную статью для большой южной газеты, а жена заглядывала черезъ его плечо въ длинныя узкія полосы.

«Въ Петроградѣ свила гнѣздо анархія, грозящая страшной заразой всему русскому обществу и гибелью великому всемірному дѣлу революціи. Спрашивается, какъ поступаютъ съ рукой или ногой, пораженной гангреной? Ихъ ампутируютъ, дабы сохранить здоровымъ и цѣлымъ все тѣло. Вспомнимъ же одну рѣшительную историческую операцію. Генераль Галлифэ не задумался въ 71 году разстрѣлять 30 тысячъ коммунаровъ у стѣны кладбища Père Lachaise...»

— У! Кровопійца! — воскликнула въ негодованіи женщина. — Не смѣй больше приходить ко мнѣ. Я тебя ненавижу и презираю.

Ея угроза оказалась не пустой. Напрасно поздно вечеромъ журналистъ Ушастовъ нѣжно мяукалъ и царапался у дверей общей спальни. Дверь была на ключъ, и ему никто не отвѣтилъ. Со вздохомъ онъ поплелся въ кабинетъ и самъ постлалъ себѣ на диванѣ...

Среди ночи онъ проснулся въ страшной тревогѣ, со щемлящимъ тоскливымъ ощущеніемъ присутствія въ комнатѣ другого человѣка. И правда: въ разсѣянномъ и тускломъ лунномъ свѣтѣ, проникавшемъ сквозь кисейную занавѣску, безшумно двигалась темная человѣческая тѣнь.

— Кто здѣсь?... Большевикъ?... — дрожащимъ, задуманнымъ голосомъ окликнула Ушастовъ.

— Не безпокойтесь, товарищъ... — отвѣтилъ спокойный голосъ. — Только воръ.

Черная фигура легко скользнула къ изголовью. Теплая твердая ладонь легла сверхъ руки Ушастова и вѣрнымъ усиціемъ вывернула изъ нея револьверъ.

— Не дѣлайте глупостей. Тѣмъ болѣе, что вы собирались палить въ меня, не переведя предохранитель съ «sur» на «feu». Да не тряситесь же такъ, гнусный трусишка. А еще говорите маркизъ Гастонъ де-Галлифэ: Ваши часы, маркизъ!..

— Какіе часы? — прошептала Ушастовъ. — У меня... никакихъ...

— Не лгать! А что тикаетъ на столикѣ? Золотые, съ монограммой.

— Позвольте, но вѣдь эти часы мои...

— Ахъ, такъ? Пожалѣли? Въ такомъ случаѣ потрудитесь вынуть изъ-подъ подушки бумажникъ.

— Да, позвольте... Да я... Богъ съ вами, берите ужъ часы... Я ничего не имѣю противъ.

— Теперь уже не жалко стало часовъ? Жалко бумажника? Эка, мелочная душонка. А мнѣ вотъ не надо бумажника. Позвольте ключъ отъ письменнаго стола. Тамъ книжка сберегательной кассы и выигрышные билеты. Ну! живо!

— Голубчикъ воръ... Товарищъ воръ... Гражданинъ воръ! — заблеялъ потрясенный Ушастовъ, — берите часы, возьмите бумажникъ... Но въ столѣ всѣ мои сбереженія... Двадцать лѣтъ честнаго писательскаго труда... Будьте великодушны...

Воръ промолчалъ. Слышно было въ темнотѣ, какъ глухо и часто стучитъ сердце журналиста. Прошло секундъ десять.

— А знаете что, маркизь Галлифэ? Вѣдь мнѣ все-таки придется васъ убить. Во-первыхъ, вы направили на мой слѣдъ милицію...

— Я? Да вотъ ей Богу... Честное слово!...

— А во-вторыхъ, никогда не лишнее избавить міръ отъ такой дрожащей гадины... Что вы объ этомъ думаете?

Ушастовъ весь облился холоднымъ потомъ, затрепеталъ и, сползши съ дивана, сталъ на колѣни.

— Милый воръ, драгоценный воръ... все что хотите... берите часы, деньги, билеты... (вотъ пенснэ въ золотой оправѣ... крестикъ на золотой цѣпочкѣ... Только жизнь... только оставьте жизнь!...

— Жизнь? — медленно, съ усмѣшкой протянулъ, воръ. — Чего нынче стоитъ человѣческая жизнь? Тридцать тысячъ у стѣнки кладбища рѣе Lachaise... Тамъ были виновные и невинные... Нѣтъ, жизнь пустякъ... Свѣча, на которую дунули ночью... Вашу честь, гражданинъ, вашу честь — и мы квиты. За честь дарю вамъ и жизнь и имущество.

Острая жгучая радость рванулась изъ сердца Ушастова и горячей волной кинулась ему въ голову, въ руки и въ ноги. И какъ раньше онъ дрожалъ отъ ужаса, такъ теперь весь затрепеталъ отъ животнаго восторга.

— Честь! Да сдѣлайте милость, добрый, великолѣпный, господинъ воръ, — залепеталъ онъ, даваясь, захлебываясь и хихикая... — Все, что вамъ угодно. Приказывайте... Поселѣвайте... Я вашъ рабъ... Я червякъ у вашихъ мудрыхъ ногъ... Я песчинка...

— Гм... Начнемъ съ вашей жены. Говорятъ, она недурна.

— Что вы — недурна. Красавица! Какое тѣло! И при томъ темпераментъ, огонь, страсть. Нѣчто изумительное! Нелѣво по коридору. Вторая дверь направо.

— Хорошо, — коротко прервалъ его воръ. — Это потомъ. А сейчасъ — унижайтесь.

— Что прикажете, о мой господинъ?

— Цѣлуйте!

Воръ протянулъ Ушастову руку, и тотъ крѣпко, вза-сось, благоговѣнно поцѣловалъ ее.

— И здѣсь.

Ушастовъ почтительно облобызалъ шершавую подметку сапога.

Воръ всталъ, повернулся спиной къ Ушастову, нагнулся и слепка раздвинулъ полы пиджака.

— И здѣсь также.

Ушастовъ сдѣлалъ усиліе вытянуть впередъ шею и губы и... очнулся, объятый ужасомъ, отъ кошмара. Онъ быстро вскочилъ и, дрожа, сѣлъ на диванъ. Въ рукѣ у него точно самъ собой очутился револьверъ. Сухо щелкнулъ предохранитель. Въ комнатѣ никого не было... Нѣтъ. Тамъ, напротивъ, еще смутно бѣлѣло подобіе человѣческой фигуры...

— Бухъ! — раздавался оглушительный выстрѣлъ.

— Дрззззз! — пронзительно звякнуло разбитое зеркало.

Когда на другой день Ушастовъ вернулся домой, на дачу, то вмѣсто жены засталъ только записку отъ нея. Она гласила:

«Я знала, что вы жестокий, кровожадный человѣкъ, но не знала, что вы низкій трусъ, способный палить въ собственную тѣнь. Съ одной изъ такихъ чертъ характера я еще могла бы ужиться, но ихъ комбинація мнѣ претитъ. Поэтому сегодня же я рѣшила навсегда переселиться къ Твердолобову, забравъ съ собою Пусю и Мусю и кошку. Впрочемъ, это и такъ должно было рано или поздно случиться. Прощайте, Галлифэ».

А. Купринъ.

Рис Н Р.

П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ.

Тюль фіолетсвѣй твои глаза укрывъ,
Буаль тебя немного старить.
На черномъ кружевѣ перилъ
Горитъ закатъ багряной ярю;
Нева печальна и строга,
Ледъ Ладоги почуявъ близкій.
Какъ у гаремной одалиски
Хрупка, сильна твоя нога.
Гранитъ, — и ты. Ты, — и туманы.
Нѣтъ ни толпы, ни грубыхъ словъ.
Изъ синихъ тѣней изваяны
Видѣнья
Тихихъ острововъ
Осеннихъ
Плывутъ.
Ты — и гранитъ. И я съ тобой.
Какъ прежде Петербургъ нашъ матовъ.
Кто смѣетъ оскорбить стрѣльбой
Больную грусть его закатовъ?
Какъ прежде призраченъ и гордъ,
Какъ прежде царственъ безъ короны.
На голыхъ тополяхъ вороны
Берутъ задумчивый аккордъ.
Какъ прежде... Травы въ брызгахъ мелкихъ
Холодныхъ, сумеречныхъ росъ.
Какъ прежде... Но зачѣмъ на Стрѣлкѣ
Мальчишка съ пачкой папиросъ?!

Лидія Лѣсная.

РАЗУМНАЯ ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ.

— Почему это столько народа на углу собралось?
— Да тутъ вчера одинъ человѣкъ помѣщеніе снялъ.
— Ну такъ что же?
— Ну такъ они въ очередь ужъ встали. Вдругъ, думаютъ, человѣкъ-то этотъ — купецъ, магазинъ откроетъ и мукой торговать начнетъ...

ВПОЛНѢ ЕСТЕСТВЕННО.

— Мапочка, а почему это акробаты вверхъ ногами ходятъ?
— А ты бы постоялъ въ очереди на обувь, такъ не спрашивалъ бы...

У Ж А С Ы Б Ы Т А.

— Это что у васъ? Булка?!
— Булка.
— Настоящая?!
— Настоящая...
— Да что вы... Неужели?! Разрѣшите погладить...

— Это что у васъ? Собака?
— Собака.
— Настоящая?
— Настоящая.
— Да что вы? Неужели?..
Вотъ бы съѣсть кусочекъ.

УСТРОИЛСЯ.

— У него теперь большая практика...
— А что онъ дѣлаетъ?
— Да на самосудахъ гражданскимъ истцомъ выступаетъ.

— Ахъ, барышня, вѣдь ваша комната почти что со столомъ: напротивъ вашего окна мясная, сбоку зеленная, а внизу — молочная очередь...

Оборону.

Продовольствіе.

Общественную безопасность.

Санитар.ю.

УДОБСТВО.

СХОДСТВО.

Провинціалъ показывае́тъ прїѣзжему свой городъ:
 — А вотъ тутъ нѣмецкая колонія...
 — Земля, навѣрное, хорошая?
 — Нѣтъ. Пороховые заводы поблизости.

Дачникъ въ Куоккала: — Посмотрите, какое сегодня голубое небо. Удивительно напоминаетъ мнѣ Украину...
 2-й дачникъ: — Н-да... Теперь вообще между Финляндіей и Украиной много общаго...

Красная Борода.

— А, это и есть самый. Царь колоколь. Такъ, такъ... Жаль, что его на Московское Совѣщаніе не пригласили.
 — А зачѣмъ?
 — Здорово былъ бы тамъ плезень. Безъ языка: болгать не можетъ.

ВЕЛИКАЯ ЕКТЕНІЯ.

Я — священствующій въ городѣ
 На толкучей,
 Злобой взмученной
 Площади,
 Отпускающій грѣхи
 Лѣшему въ рошѣ,
 Мужику у сохи,
 Простершій Каину епитрахиль.
 Вотъ призываю —
 Тебѣ, Господи, воля вся,
 Станемъ добре, станемъ со страхомъ,
 Миромъ Господу помолимся!
 Господи, помилуй!
 О страждующихъ и плѣнныхъ,
 Плавающихъ въ буряхъ плѣнныхъ,
 У чуждой земли,
 Разбившихъ смѣнные корабли,
 О тѣхъ, кто палъ, безъ отвѣта
 На любовную страсть,
 Господи Боже,
 Твоя власть,
 Только Твоя воля вся.
 Заступи, спаси и помилуй.
 Миромъ Господу помолимся!
 Господи, помилуй!
 О мирѣ міра,
 О несмущеннѣ города,
 Земледѣльцу оселокъ,
 А не мечъ на бедра;
 На дорогу — волокъ
 Деревянныхъ телѣтъ,
 А не пушекъ мѣдныхъ —
 Прости и помилуй —
 Маленькихъ, бѣдныхъ
 Милости ради.
 Молимся о градѣ семъ,
 Странѣ и всякомъ градѣ,
 Твоя, Господи, воля вся.
 Сохрани насъ Твоею благодатью —
 Миромъ Господу помолимся!
 О избиваться намъ отъ всякой скорби,
 Гнѣва и нужды.
 Отъ нищенской торбы,
 Черной сужды.
 Отъ невѣрности милой,
 Злого слова,
 Отъ собачьяго воя
 На пожаръ и смерть.
 Только Божье знанье, Божьему вѣрить,
 Только Твоя воля вся.
 Твоя земля, воля и твердь.
 Миромъ Господу помолимся!
 Господи, помилуй!
 О ясномъ солнцѣ, о ливнѣ мѣрномъ,
 О тучныхъ злакахъ

Вѣрнымъ и невѣрнымъ.
 О всѣхъ народахъ,
 О безбольныхъ родахъ
 Каждой матери,
 Объ украшающихъ макахъ,
 О медѣ для яблонь,
 Въ сосну строевую крѣпкую заболонь,
 О злакахъ
 Тучныхъ,
 Только твоя воля вся,
 О лѣтахъ благополучныхъ,
 Миромъ Господу помолимся!
 Подай, Господи!

Валентинъ Горянскій.

СПЕКУЛЯНТЫ.

1.

— Хотите жить?
 — Хочу.
 — Тогда... — Докторъ многозначительно посмотрѣлъ сначала на меня, потомъ на искружающихъ... — Тогда бросьте курить.
 Двадцать глазъ умоляюще смотрѣли на меня. Десять человѣкъ — большихъ и маленькихъ, — которымъ почему-то дорога моя жизнь, со страхомъ ждали отвѣта.
 И ради этихъ глазъ я пошелъ на жертву.
 — Ладно. Попробую. Авось что-нибудь и выйдетъ.
 Тогда ко мнѣ потянулось сразу двадцать рукъ.
 — Дѣдушка! Милый! Голубчикъ! Дайте честное слово! У васъ нѣтъ ни капельки силы воли! Вы непременно закурите! Поклянитесь мундиромъ и пенсіей.
 И я поклялся.

2.

Послѣ ухода доктора я юркнулъ въ свою комнату покурить. Заперъ дверь на крючокъ и, радостно потирая руки, подошелъ къ книжному шкафу.
 Я опоздалъ... Кто-то укралъ и табакъ, и гильзы, и трубку, все, все...
 Кто? Какому подлецу можетъ мѣшать мой табакъ? На душѣ стало гадко. Хоть голову въ петлю. Легъ на диванчикъ. Подло... Ай, какъ подло!
 Ко мнѣ постучали.
 Пришелъ Василій Стариковъ, мой внукъ, очень положительный господинъ, отдающій весь свой досугъ изученію наукъ въ третьемъ классѣ гимназіи.
 — Здравствуйте, дѣдушка! Съ «послѣ-обѣдомъ» васъ! У этого человѣка всегда имѣется про запасъ какое-нибудь поздравленіе.
 — Ладно. Чего надо?
 — Такъ... Провѣдать зашелъ.
 — Спасибо.
 Василій Стариковъ глубоко вздохнулъ.
 — Чего еще?
 — Жалко мнѣ васъ.
 — Ничего. Проживемъ и безъ вашего сочувствія.
 Стариковъ снова вздохнулъ и спросилъ:

— А покурить хочется?

— Не дразни.

Глаза Старикова загорѣлись хитрымъ, дразнящимъ огонькомъ.

— Дѣдушка... А вы изъ шкафа...

Я въ упоръ посмотрѣлъ на внука и понялъ все.

— Ты? — спросилъ я.

— Я.

— Подлецъ. Воръ. Стыжусь такого внука.

— Дѣдушка... Это на пользу вамъ.

— Пошелъ вонъ!

3.

Кончился день, день невѣроятныхъ, неподдающихся описанію страданій. Въ десятомъ часу ночи, когда мое большое и маленькое царство разбрелось по театрамъ, гостямъ и кроваткамъ, — точно воръ, — прошмыгнулъ я въ комнату горничной. Я палъ. Дрожащими руками протянулъ горничной три рубля и умолять:

— Дуня! Эти три рубля вамъ. Сбѣгайте въ лавочку съ чернаго хода. Разбудите. Одинъ десяточекъ папиросъ! Но, ради Бога, чтобы ни одна душа не знала!

Честная женщина! Назвала свою жизнь каторжной и пошла. Черезъ десять минутъ папиросы были въ трехъ шагахъ отъ меня. Въ рукахъ Василия Старикова.

Мы молча смотрѣли другъ на друга. Потомъ Стариковъ сказалъ:

— Дуня не годится въ помощницы. Глупа. Сразу ловится. Я говорю ей: «Давай папиросы, дѣдушка прислалъ». Видите, отдала.

Повернулся и ушелъ. Ушелъ вмѣстѣ съ папиросами.

4.

Утромъ Стариковъ прислалъ мнѣ черезъ сестру записку. Прочиталъ:

«Тайна! Цѣны безъ запроса. Магазинъ Василия Старикова. Табакъ и прочее. Въ кулуарахъ магазина имѣются: свѣжій десятокъ папиросъ въ очень красивой коробочкѣ, подъ названіемъ «Вакханка», восьмушка табаку, очень приятно, пильзы съ туркой на картинкѣ и аристократская трубка. Цѣны: одна папироса — 10 к. Трубка на прокатъ — 3 р. Табакъ въ трубку на одинъ разъ — 10 к. Стороженіе у двери, чтобы никто не вошелъ — 15 к. Тайна!»

6.

Въ полдень я пошелъ къ Старикову. Владѣлецъ табачнаго магазина лежалъ на кровати и читалъ что-то изъ Пинкертона.

— Пять папиросъ! — бросилъ я.

— Деньги впередъ.

— Получай.

— Полтинника мало.

— Я плачу по прейсъ-куранту.

— А цѣны поднялись.

— Что?

— Подвозъ плохъ. Достаньте-ка нынче вагонъ.

— Гадина. Сколько еще?

— Такъ ужъ, для перваго знакомства — двугривенный.

— Мародерь!

Получивъ деньги, Стариковъ спросилъ:

— Сторожить надо?

— Молчать!

— Могутъ увидѣть... Особенно, если, избави Богъ, проговорюсь...

Нанялъ.

6.

Стариковъ безсердеченъ.

Ежедневно убѣждаю его:

— Рожа ты возмутительная! Можно ли взвинчивать цѣну за папиросу до двугривеннаго? Считай: 20 папиросъ въ день по 20 коп., — это же 120 рублей въ мѣсяцъ! Спекулянтъ! По міру меня пускаешь!

Стариковъ долго не сдается.

— Осина! Я же твой постоянный покупатель? Ты, анаѳема, долженъ дорожить покупателемъ

Стариковъ отвѣчаетъ:

— Я пушу папиросу въ пятакъ, если вы убѣдите тетю Лизу, что ей вредно курить.

Я люблю внука. И поэтому счастливъ, что сейчасъ ему только 12 лѣтъ. Прибавьте ему еще два десятка, и ручаюсь, — давнымъ бы давно парень въ тюрьмѣ сидѣлъ.

Евграфъ Дольскій.

РАЗНОСТЬ НАТУРЪ.

— У Марьи Степановны-то мужа черезъ трубку въ больницѣ кормятъ...

— Потому, человекъ тихій — терпитъ. Моего-то и черезъ водосточную трубу не накормишь...

ПОЗДНЕЕ СОЖАЛѢНІЕ.

Рис. В. Лебеде а.

Гутенбергъ (на Монетномъ дворѣ): — Ну, если бы я зналъ, что моимъ станкомъ такъ злоупотреблять станутъ, я еще подумалъ бы — стоитъ его изобрѣтать или не стоитъ.

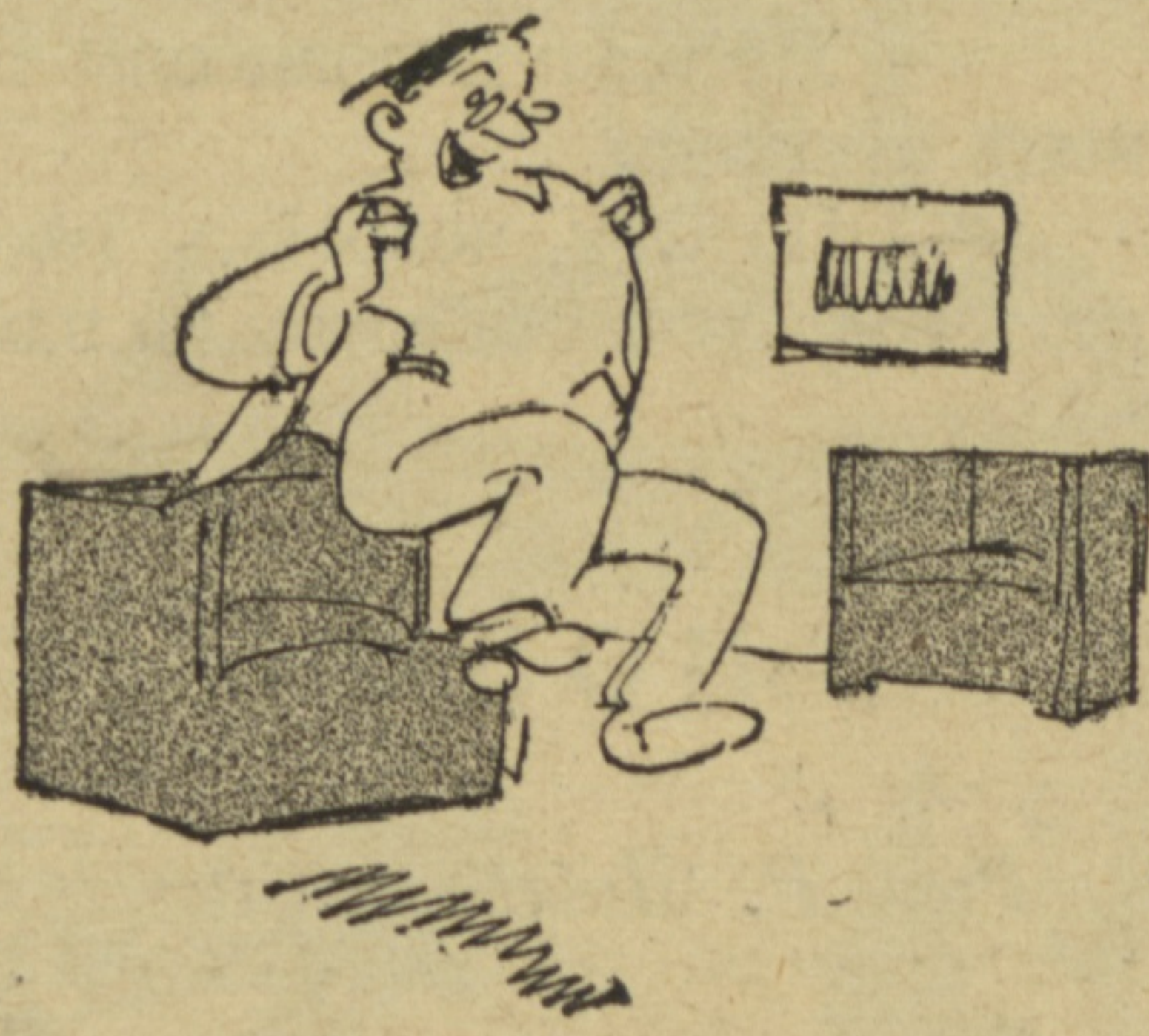
ЛУЧШІЙ И КРАТЧАЙШІЙ СПОСОБЪ ДОСТАТЬ ОБУВЬ.

(Совѣты на зиму).

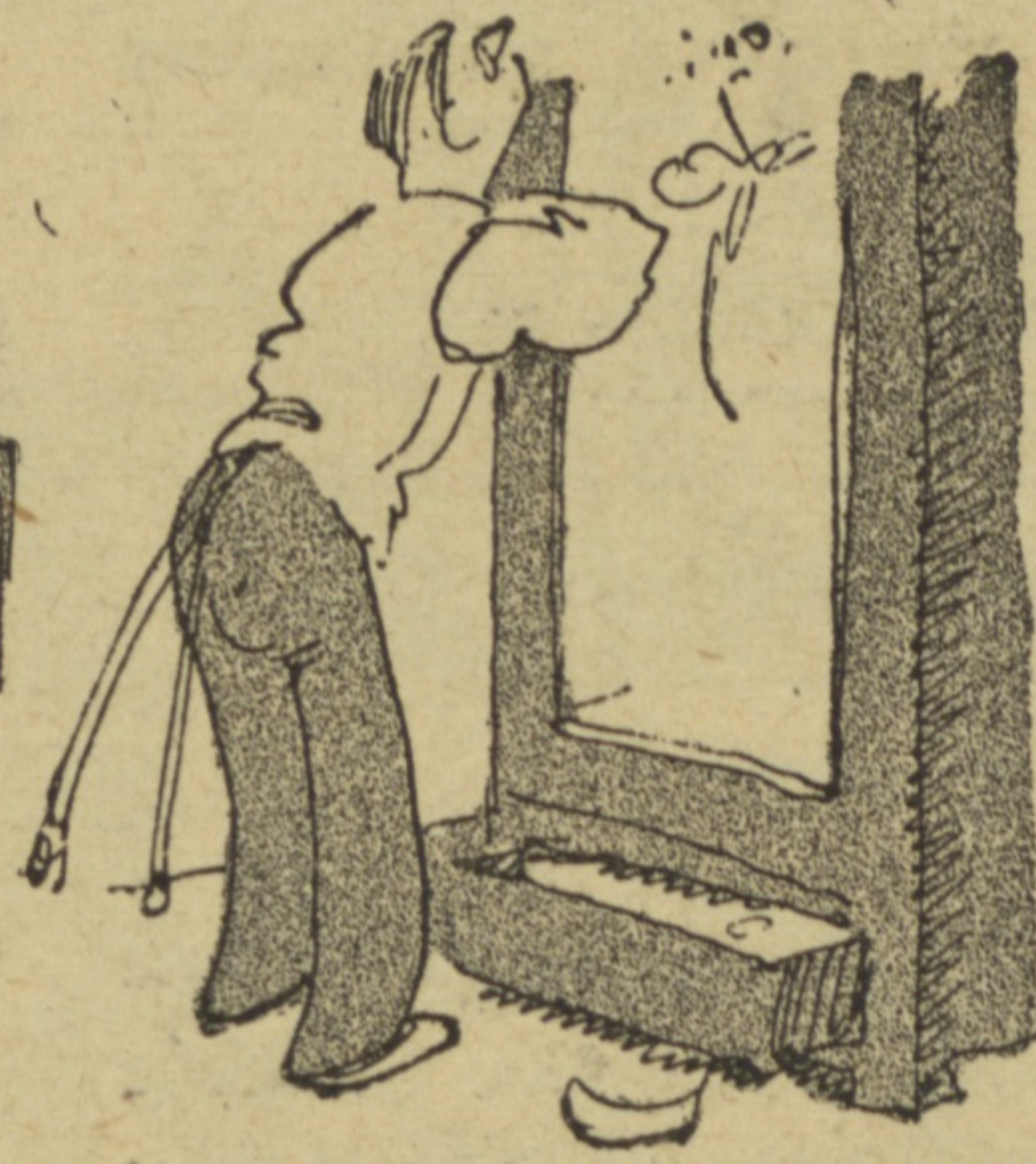
Рис. Б. Антоновскаго.

Сначала надо подумать, нѣтъ ли другого способа.

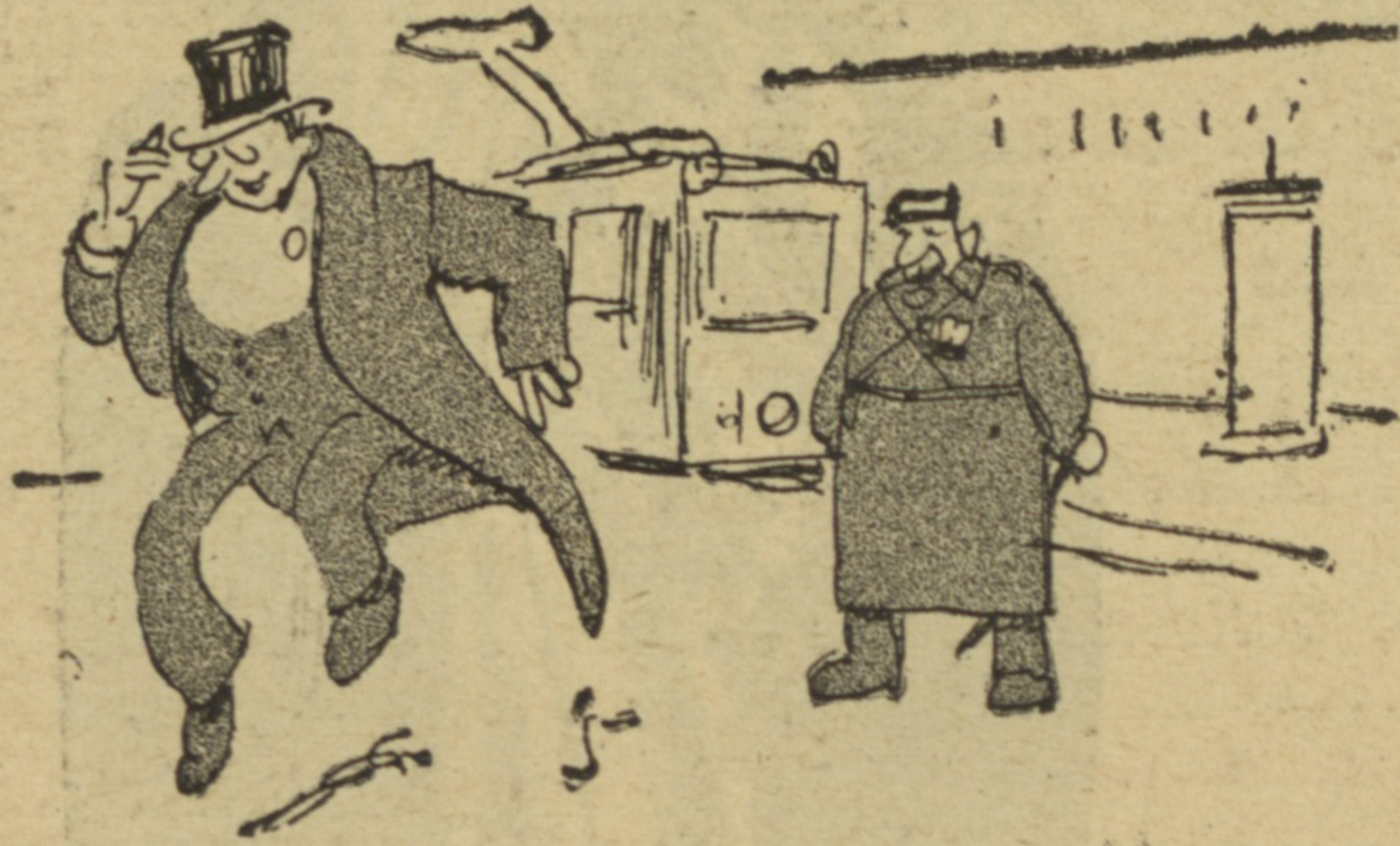
Потомъ прочесть нашъ и обрадоваться.

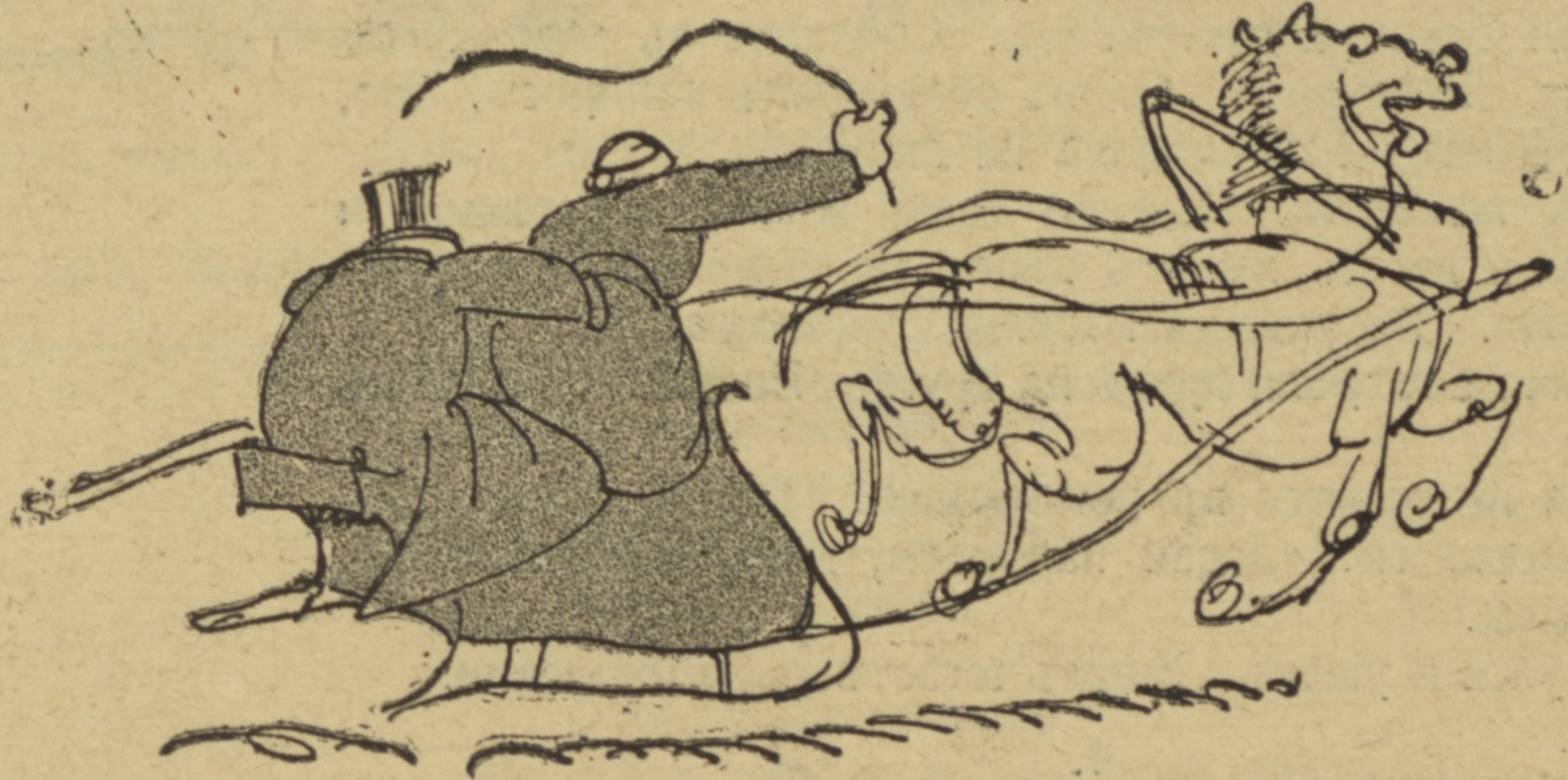
Затѣмъ надо одѣться. Лучше, если приличнѣе.

Вставить цвѣтокъ въ петлицу (лучше бѣлый).

Радостно побѣжать по улицамъ.

Нанять (умолить) извозчика.

Купить цвѣтвъ (безразлично какихъ).

Неотрѣмнно заплатить за нихъ.

Сдѣлать предложеніе интересной дѣвушкѣ.

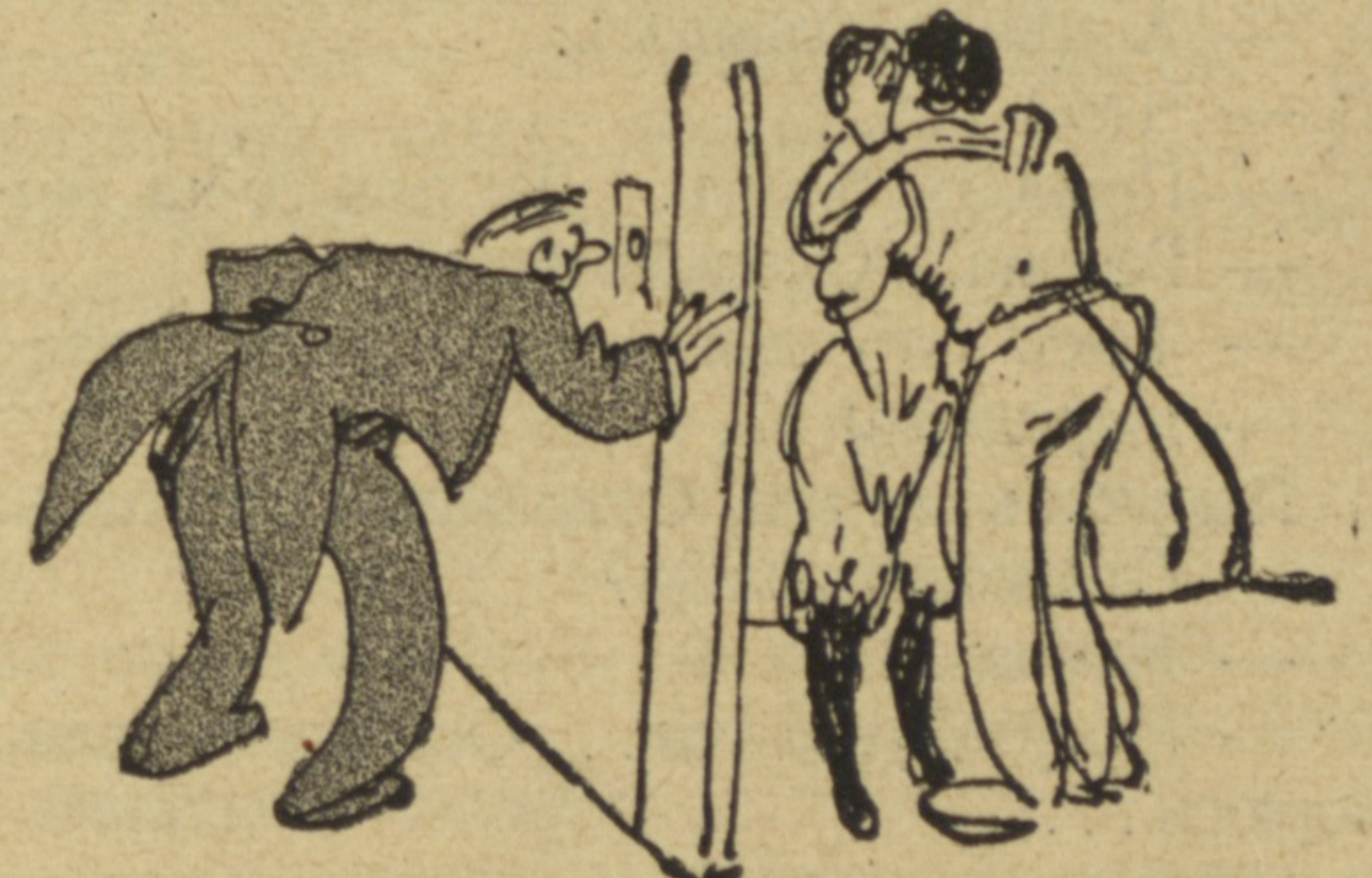
Предложеніе принимается охотно.

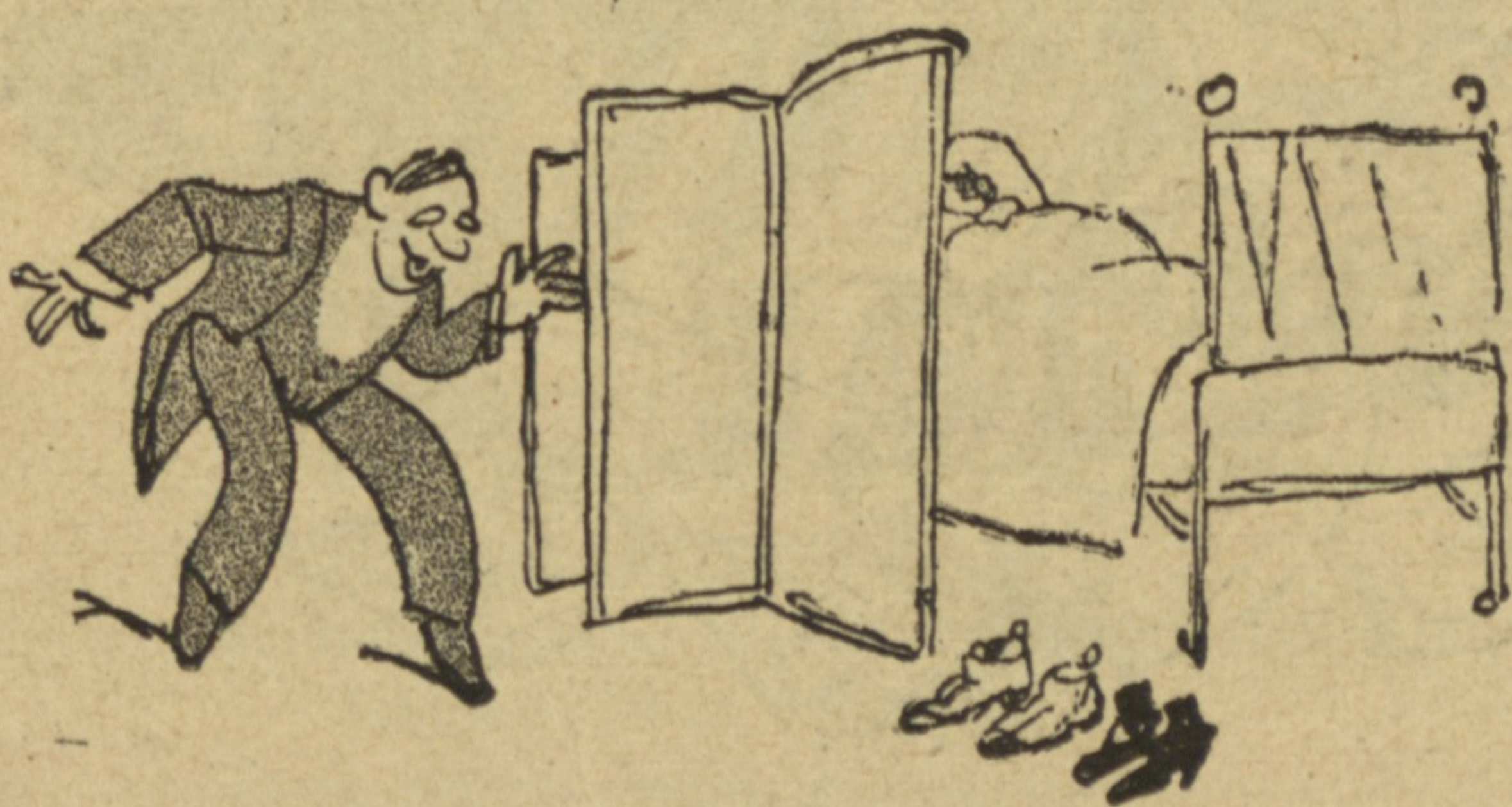
Жениться.

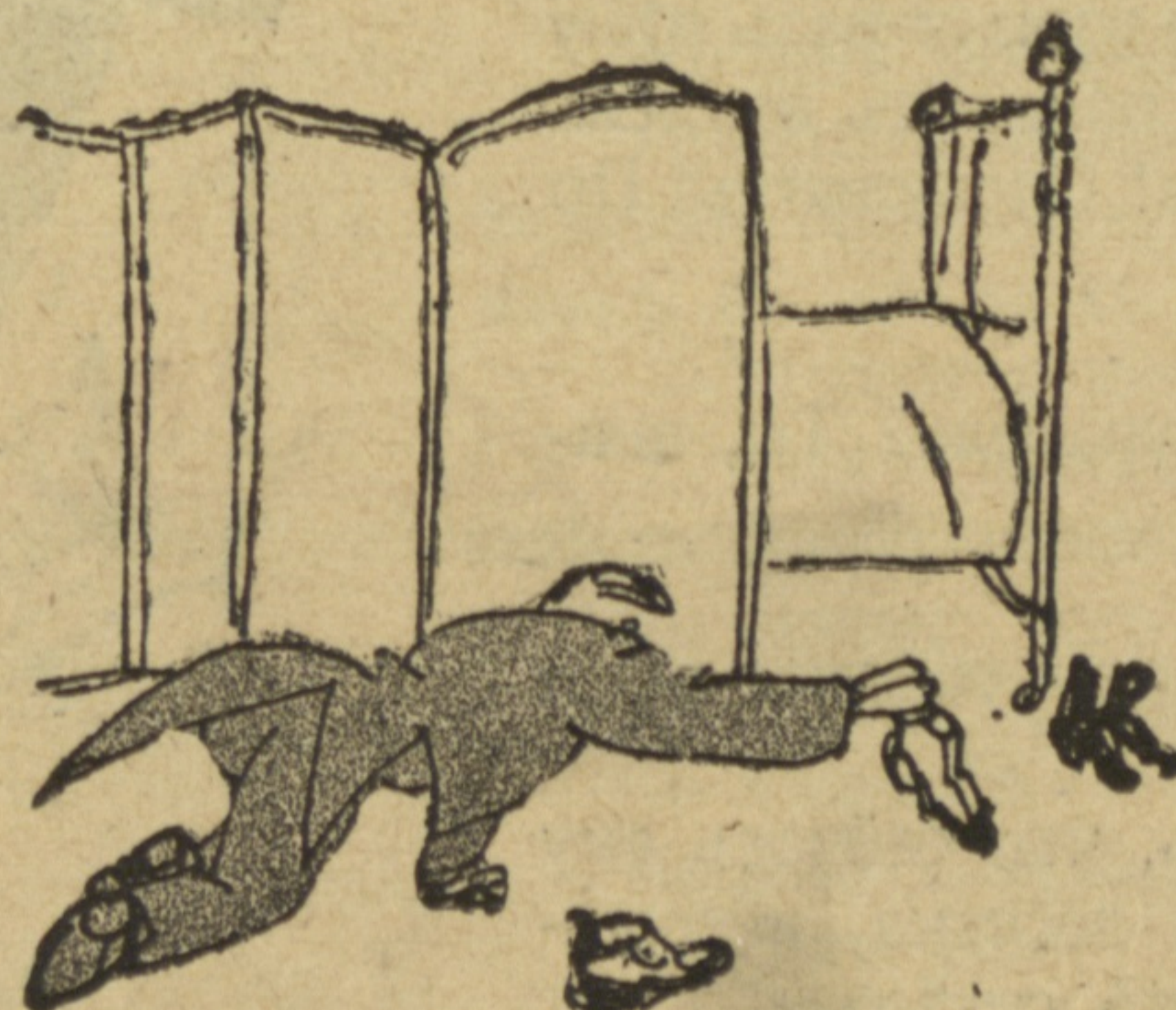
Познакомить жену съ изящно одѣтымъ молодымъ человѣкомъ.

Подожждать немного, пока ихъ страсть окрѣпнетъ, и, заставъ ихъ у себя въ квартирѣ, тоже немного подождать.

Скрывая чувство охватившаго душу восторга, пробраться потихоньку въ свою спальню.

Взять.

Долго и шумно радоваться. Горячо рекомендуемъ этотъ способъ. Масса благодарственныхъ писемъ.

БИБЛИОТЕКА СМЕРТИ.

У меня изрядная библиотека,
Иероглифы, руны и славянская вязь
Запечатлѣли жестокость человѣка,
Страданіе, кровь, грязь,
Трусость, измѣну, изступленіе
Пирамиды мертвыхъ головъ!
Вотъ Атиллы капитальное сочиненіе,
Вотъ Наполеона сто томовъ.
Вотъ изрядный томикъ, — «Англичане въ Трансваалѣ».
А вотъ, — «Армянская рѣзня».
Чтобы мою библиотеку не пополняли,
Не проходить и дня.
Словомъ, у меня изрядная библиотека,
Но въ ней есть полка интереснѣе всѣхъ.
Она написана въ началѣ двадцатаго вѣка,

Полка, — трагическій смѣхъ! —
На ней оранжевыя, синія, бѣлыя книги.
Аттестатъ на звѣря всѣмъ!
Кто надѣлъ на землю изъ развалинь вериги,
Изъ труповъ шлемъ?!
И, указывая пальцемъ другъ на друга,
Всѣ кричатъ: изъ-за васъ, изъ-за васъ
Продолжается кровавая недуга,
Страшный часъ!
— Я свершаю насиліе во имя свободы! —

И хрипятъ умирающіе народы,
— Кто виноватъ? —

А. Радаковъ.

ГОЛОВОКРУЖИТЕЛЬНОЕ ПАДЕНІЕ.

(Монологъ.)

— Говорятъ, все дорого. Не нахожу. Недавно зашелъ въ хорошій ресторанъ и что же? Консоме съ фрикадельками, — два рубля. Помилуйте, развѣ это дорого? Что такое теперь рубль? Четвертакъ! Значитъ, консоме стоитъ всего-на-все полтинникъ. Это-то при нынѣшней дороговизнѣ! Ха-ха!.. Полтинникъ консоме съ фрикадельками въ лучшемъ ресторанѣ, а всѣ кричатъ дорого. Господа, что значитъ въ наши дни полтинникъ? Это, извините за выраженіе, пятиалтынный. Супъ, — пятиалтынный. И какой супъ! Консоме съ фрикадельками! Чего же бы хотите? Супъ съ мясомъ въ лучшемъ ресторанѣ при теперешней дороговизнѣ стоитъ только пятиалтынный. А вы жалуетесь... Нѣтъ, господа, надо быть непристрастными. Ну, сознайтесь, сознайтесь, что такое теперь пятиалтынный? Да ничто, три — четыре копейки. И вотъ за три копейки вы имѣете консоме съ фрикадельками въ лучшемъ ресторанѣ. Гдѣ же дороговизна, спрашиваю я васъ гдѣ?.. Н. Бреневъ. (В. Черній.)

ДОБРОВОЛИЦА.

Разсказъ Арк. Бухова.

Когда Клавдія Николаевна сказала, что она идетъ въ солдаты, Чируховъ обидѣлся и сухо замѣтилъ.
— Раньше надо было объ этомъ думать.
— Раньше нельзя было.
— Такъ, такъ. А теперь когда два года вмѣстѣ про-

жили можно? Надо было заранѣе предупредить, можетъ, я на солдатъ и не женился бы.

— Ты всегда такъ, — заслезилась Клавдія Николаевна, — всѣмъ можно, только я одна такая... Почему Варенька пошла, Семеницыной можно, Глузманъ можно?

— А тебѣ нельзя, — заревѣлъ Чируховъ, — потому что нельзя. Если ко мнѣ кто-нибудь по дѣлу придетъ, а отъ тебя сапожищами нести будетъ, вся практика на смарку...

— Я сапоги буду снимать.

— Мерси и за это. А портянки будете у меня въ кабинетѣ развѣшивать на мочалкѣ? Очень пріятно.

— Ты забываешь, что это...

— Нѣтъ, ты забываешь! Меня забываешь... Тебѣ до нашивокъ лишь бы дослужиться, ружьемъ повертѣть, а я долженъ рекомендовать тебя: честь имѣю представить — моя жена, младшій унтеръ-офицеръ Клавдія Чируховъ... Такъ?

Рѣшеніе гнѣздится въ сердцѣ женщины, какъ камень въ расщелинѣ скалы. Можетъ быть, капля выдолбитъ этотъ камень, а мужъ не капля. Не выдолбитъ.

— Въ четвергъ я иду въ полкъ.

— Иди, — съ историческимъ спокойствіемъ отвѣтилъ Чируховъ, — иди. Купи себѣ гармошку, надѣнь сапожищи, ходи по улицамъ и пой...

— Не хочу пѣть, — дрожащимъ голосомъ пискнула Клавдія Николаевна, — не буду.

— Нѣтъ пой, — эгоистически настаивалъ Чируховъ, — должна пѣть. Ну начинай, начинай: «Соловей-соловей, пташечка...»

— Кинаречка жалобно поетъ, — сквозь слезы добавила Клавдія Николаевна, — какія слова! Какія слова!

— Слова хорошія. Договорились на третій годъ совмѣстной жизни... Теперь ты за нашей кухаркой ухаживать должна.

Это было такое унижительное предложеніе, что Клавдія Николаевна отвѣтила надменно и сухо:

— И буду. И ты не смѣешь...

— Пожалуйста, пожалуйста... Дѣло ваше, сударыня... Только скажите, въ какой день я долженъ взять нашу Олюшку на руки, завернуть ее въ одѣяло, ходить за тобой по улицѣ и кричать: «Кормилица-поилица, на кого насъ покинула...» Хочешь, одѣну фракъ? Хочешь, надѣну нянькину косынку на голову?

* * *

Черезъ двѣ недѣли Клавдія Николаевна, маленькая и робкая, сидѣла около пожилого фельдфебеля и внимательно слушала.

— Это и есть ружье, — вѣжливо и мрачно пояснялъ этотъ мужчина, — и изъ него стрѣляютъ.

— Сами?

— Сами. Который солдатъ тотъ и стрѣляетъ. Потому для ружья все равно кто вы есть — баба, или, между прочимъ, человѣкъ. Не нами оно выдуманно и не намъ разсуждать.

— Тяжелое оно какое, — тоскливо подѣлилась Клавдія Николаевна, — я его взяла, а оно ужасъ какое...

— Да ужъ не извольте беспокоиться. Потому какъ трехлинейная винтовка казеннаго образца есть такое...

— Скажите, господинъ обучающій, а волосы стричь?

— Стричь. На барабанъ и обстригутъ... У насъ въ полку барабанщикъ былъ лютый на деньгу. Дай ему двѣ копейки сначала, а ужъ потомъ стрижетъ... Безъ этого и на ножницы не поплочетъ...

— А у парикмахера можно? Я бы волосы съ собой взяла...

— Это можно. Волосъ вашему брату развлеченіе. Сказываютъ быдто французы его поштучно покупаютъ. Конскій волосъ тоже хорошъ, на лесу идетъ... Ну вставайте, мадамъ, товарки идутъ...

— Чируховъ! — позвала Клавдію Николаевну старшая по взводу, — вы что здѣсь дѣлаете?

— Я вотъ съ нимъ сидѣла...

— Не сидѣла, а сидѣлъ. Помните, что вы солдатъ.

— Я помню... т. е. я помнилъ...

— А что нужно отвѣчать, если бы сюда вошелъ...

* * *

Когда отворились двери и Клавдія Николаевна вошла въ кабинетъ, Чируховъ, не отрываясь отъ бумагъ, спросилъ:

— Кто еще тамъ?

— Это я. Чируховъ.

— Клавдюша! Здравствуй...

Клавдія Николаевна бросила въ уголь фуражку, погладила себя по стриженной головѣ и опустилась въ кресло.

— Усталъ здорово...

— Я? — спросилъ Чируховъ, — нѣтъ ничего...

— Я усталъ, — сказала Клавдія Николаевна и сплюнула въ уголь, — не жрамши, не пимши съ утра.

— Сію минуту, Клавдюша... Наталья... Подайте барынь...

И глубоко вздохнувъ, Чируховъ добавилъ вполголоса:

— Трескать?... Такъ по-вашему теперь?

— Такъ. У насъ взводная говоритъ: хряпать. Такъ у насъ солдаты вообще говорятъ. Намедни кашевариха выловила во щажъ сапогъ и говоритъ: «Еще казенную рбувь вылопаютъ, сиводралы...»

Чируховъ подошелъ къ креслу, наклонился къ женѣ и ласково провелъ рукой по гимнастеркѣ.

— Можетъ, сняла бы съ себя это, Клавдюша... Я тебѣ блузку купилъ...

— И ѣшь ее съ перцемъ, — усмѣхнулась Клавдія Николаевна, — плевать я на нее хотѣлъ. Солдатъ разуваться не долженъ. У солдата нога должна быть большая и чтобы пахла. Безъ этого онъ не солдатъ, а такъ... шкетъ.

— Клавдюша...

— Да что ты затвердилъ... Былъ Клавдюшей, а теперь Митькой звали твою Клавдюшу... Паекъ получаешь?

* * *

Въ этотъ вечеръ были гости. Чируховъ сидѣлъ за самоваромъ и разливалъ чай.

— Я вамъ, кажется, одинъ кипятокъ налилъ, — робко извинился онъ, — разрѣшите, я сейчасъ... А кому-то, кажется, изъ чайника наливаль и кипятку забылъ... Виноватъ, одну минуточку... Тамъ, кажется, Олюшка плачетъ... Сію секунду, я забылъ прислугѣ насчетъ сметаны сказать... Ой... Фу ты, какой кранъ у этого мерзкаго самовара... На минуту не закроешь и сейчасъ же кипятокъ на ноги... Вамъ слабый?...

А Клавдія Николаевна сидѣла на углу, пила въ прикуску и, дуя на блюдечко, разсказывала.

— Прихожу это я въ швальню. Зачѣмъ, говоритъ, пришелъ Чируховъ? А я говорю — давай штаны, на колѣняхъ протеръ. А онъ беретъ какую-то рвань и тычетъ: на... А я говорю...

— И давно изволили записаться, Клавдія Николаевна? — учтиво спрашивалъ инженеръ, сосѣдь слѣва.

Клавдія Николаевна хотѣла сказать, что двѣ недѣли тому назадъ, но не зная, какъ это будетъ по-солдатски, хмуро отвѣчала:

— Намедни. Насупротивъ четверга.

Потомъ нашлась и добавила:

— Третьево дни. Много тогда нашего брата приперло. Заговорили о политикѣ.

— А у насъ, значить, большевика пымали, хотѣли ему кишку выпустить, да я заступился съ однимъ солдатомъ. Давай, говорю, Катя, отобьемъ его, потому какъ въ емъ духу немного. Катя и помогъ.

Чируховъ сидѣлъ блѣдный, ерзалъ на стулѣ и убѣждалъ себя, что если бы онъ послушался отца и женился на Нютѣ Звыкиной, ничего бы этого не было. Онъ вспомнилъ бѣлокурую Нюточку, и ему сдѣлалось жалко себя. И такой близкой ему стала въ эту минуту эта безвозвратно потерянная дѣвушка, что когда въ сосѣдней комнатѣ раздался пискъ, онъ задумчиво сказалъ:

— Нюточка плачетъ...

— Нюточка? — удивилась Клавдія Николаевна. Потомъ сразу взяла себя въ руки и добавила, — полюбовницу въ домъ взялъ? Волосья ей выдеру, по полу харей истаскаю...

А когда всѣ успокоились и уже обсуждали ужасъ производственнаго вопроса, Клавдія Николаевна хлопнула подъ столомъ каблуками рыжихъ сапогъ и довольно засмѣялась.

— Чешется чивой-то...

— Должно быть быстрое огрубѣніе кожи, — галантно вставилъ инженеръ, — частое явленіе...

— У кого частое, а у кого нѣтъ, — зѣвнула Клавдія Николаевна, — просто вошь ѣстъ. Любитъ она, подлюга, солдатское мясо.

И среди гробовой тишины поднялась.

— Идти, такъ идти. Прощенья просимъ. До свиданья. Наше вамъ съ кисточкой, съ огурцомъ...

— Ты куда, Клавдюша? — глухо откликнулся Чируховъ.

— Куды, куды? Въ казарму, на повѣрку... На улицѣ ужъ темъ собачья... Эхъ, да ночь д'темна, д'я боюся, д'прводи меня д'Маруся... Вотъ оно какъ по-нашему... Ну, я пошелъ... Ать, два, ать, два...

Къ Чирухову подошелъ одинъ изъ гостей, положилъ ему руку на плечо и вздохнулъ.

— Не надо, Артемій Петровичъ, — покачалъ головой Чируховъ, — я знаю, что вы понимаете меня...

* * *

На другой день Чируховъ послѣ ряда униженій досталъ бутылку коньяку, выпилъ ее и легъ спать на полу въ столовой. Онъ самъ не зналъ, почему это дѣлаетъ, но уже засыпая, грозилъ кому-то въ темнотѣ пальцемъ и упрямо повторялъ:

— Ты тамъ... А я здѣсь... Хорошо, хорошо... Мы еще посмотримъ...

Утромъ проснулся съ тяжелой головой и долго мрачно стискивалъ разрѣзной ножъ. Потомъ вспомнилъ, что въ семьѣ Чируховыхъ самоубійства не удавались, и поѣхалъ въ шантанъ.

Къ часу онъ былъ не одинъ. Около него сидѣлъ какой-то чужой некрасивый мужчина, поминутно убѣгавшій куда-то и разсказывавшій, что его зовутъ Васей, и двѣ женщины, изъ которыхъ одна ѣла, а другая требовала на ломаномъ языкѣ, чтобы Чируховъ скупалъ всѣ цвѣты, какіе только мимо него проносили.

— И куплю, — пьяно говорил Чируховъ, — потому что цвѣтокъ это женственно... А вотъ если бы пушку попросила...

— Не нато пушка, — смѣялась женщина и била его вѣеромъ по рукамъ, — ты лисій, но хорошенькій...

— Это правильно, — подтверждалъ Вася, — у каждого человѣка своя наружность. А ужъ если человѣкъ факультеты окончилъ, такъ извините.

— Вѣрно, Вася, — горько отзывался Чируховъ, — а у тебя жена есть?

— Интересы къ этому не имѣемъ, докторъ.

— Я не докторъ, Васенька... Я адвокатъ...

— А это по нашему, клубному... Который штатскій — докторъ, который военный — полковникъ...

— А это другое дѣло. И не женись, Вася... Потому что сегодня женишься, а завтра... А завтра жена въ солдаты уйдетъ...

— Уй, какій смѣшнй, — безъ улыбки смѣялась женщина, — очень люблю... Дай мнѣ сто рублей... Ты такой славнй...

— На... И двѣсти дамъ... А въ солдаты она не имѣетъ права...

— Дѣти-то у васъ есть, докторъ? — озабоченно спрашивалъ Вася.

— Есть, Вася. Дѣвочка. А она въ солдаты...

И всѣмъ было жалко Чирухова. И даже женщина, которая все время ѣла и которую лакей называлъ: мадамъ Гризельда Вуало, перестала ѣсть, откашлялась и баскомъ сказала:

— У насъ въ деревнѣ многія бабы тоже поперли. Очень имъ это нравится...

* * *

Черезъ три недѣли Чируховъ проснулся въ комнатѣ Гризельды Вуало, потребовалъ квасу и мутными глазами пробѣжалъ еще нераспечатанное со вчерашняго дня письмо на сѣрой оберточной бумагѣ:

«А пишетъ тебѣ, жена твоя, ефрейторъ Чируховъ. Еще кланяюсь дочкѣ нашей Ольгѣ, теткѣ нашей Варварѣ Петровнѣ. А я служу хорошо. Недавно былъ на стрѣльбѣ. Рука моя писала, не знаю для кого...»

Чируховъ тихо плакалъ и машинально отдиравъ ногтемъ большого бѣлаго голубка, приклееннаго хлѣбнымъ мякишемъ къ сѣрому конверту...

Арк. Буховъ.

КРОНШТАДЦЫ.

На одномъ кораблѣ, забывъ о штормѣ,
Всколыхнувшимъ Россійское сонное море,
Пятый день толковали о-новой формѣ,
Пятый день проводили въ усердномъ спорѣ;
Въ свободной странѣ не пристало, дескать,
Лежать на боку, какъ раньше лежали,
И даромъ казенную пищу трескать, —
Такъ вотъ — они теперь и рѣшали:
Нужны ли погоны, шитье, и кому, — моль,
Дать китель съ кантомъ, а кому безъ канта?..
А я сидѣлъ и печально думалъ
О «Кораблѣ Дураковъ» — Себастьяна Брандта...

А. Дэви.

ОТРЫЖКА.

Фельетонъ Арк. Аверченко.

Вы, юноши, сдѣлавшіеся мужами!

Помните?

Эта женщина была вашей мечтой, вашей грезой, которая туманила голову, посылала бессонныя ночи, когда тщетно перекладываешь горячую подушку съ одной стороны на другую, чтобы коснуться раскаленной головой прохлады и успокоенія, — и нѣтъ этой прохлады, нѣтъ успокоенія...

О ней, объ этой дѣвушкѣ всѣ мысли, для нея вся жизнь и дыханіе.

Будетъ ли она когда-либо моею?.. Да вѣдь это такое счастье, что сердце разорвется, дыханіе захватитъ или будешь кататься по полу, визжа отъ восторга.

И всѣ мы бродимъ ошалѣлые, натываясь на прохожихъ, глядя впередъ широко открытыми бессмысленными глазами.

Но вотъ, — добились!

Помните свадебный пиръ, вы, юноши, сдѣлавшіеся мужами?

Ты, — герой дня. На тебя — всѣ взоры. А взгляды невѣсты, этотъ невинный, стыдливый взглядъ, который говоритъ: «Я твоя, я люблю тебя, мой Богъ, мой господинъ!» А?

Самое лучшее платье на ней, самое лучшее платье на тебѣ, цвѣты, огни, радостный, веселый праздничный шумъ — какъ пышно, какъ сладко.

Ну вотъ, наконецъ, и поженились. Вотъ, наконецъ, и медовый мѣсяцъ промелькнулъ — именно мѣсяцъ, не больше, чортъ его возьми.

Такъ-съ. Поженились.

Сидите вы утромъ за чаемъ, она непричесанная, съ заспаннымъ лицомъ и съ такимъ разговоромъ:

— Чортъ его знаетъ, чего его и на обѣдъ заказывать. Того нѣтъ, это дорого, прямо хотъ съ голоду подыхай.

Вы нерѣшительно замѣчаете:

— Я бы съѣлъ этого... Пирожка съ говядиной.

— Съ говядиной?! Кусокъ бы еще бриллиантовый ты отъ меня потребовалъ... Хи! «Съ говядиной! пирожокъ!» Мясо-то... Я тебѣ собственное отдамъ? А мука? У тебя мельница своя, что ли? Что закажу, то и будешь ѣсть.

Голосъ у нея сухой, сѣрый, совсѣмъ неприятный.

Разглядываешь ея лицо... Оно тоже сѣрое, помятое, на правой брови зацѣпилась пушинка отъ пуховки, а на носу двѣ неприятныхъ черныхъ точки.

Чай жидкій, теплый и чуть ли не припахиваетъ керосиномъ.

А помнишь, какъ мечталъ объ этомъ, о пнѣздышкѣ вдвоемъ, о «бодромъ шагѣ рука-объ-руку съ любимой навстрѣчу лучезарному будущему.

Шагай, шагай. Дошагался уже до черныхъ точекъ на носу, до теплаго жидкаго чаю, до такого, напимѣръ, разговора:

— А я у тебя хотѣла попросить денегъ...

— Да вѣдь я тебѣ на прошлой недѣлѣ пятьсотъ далъ.

— Мало ли что далъ. Всѣ вы давать мастера. Далъ на то, чтобы истратить ихъ. Вотъ я и истратила!

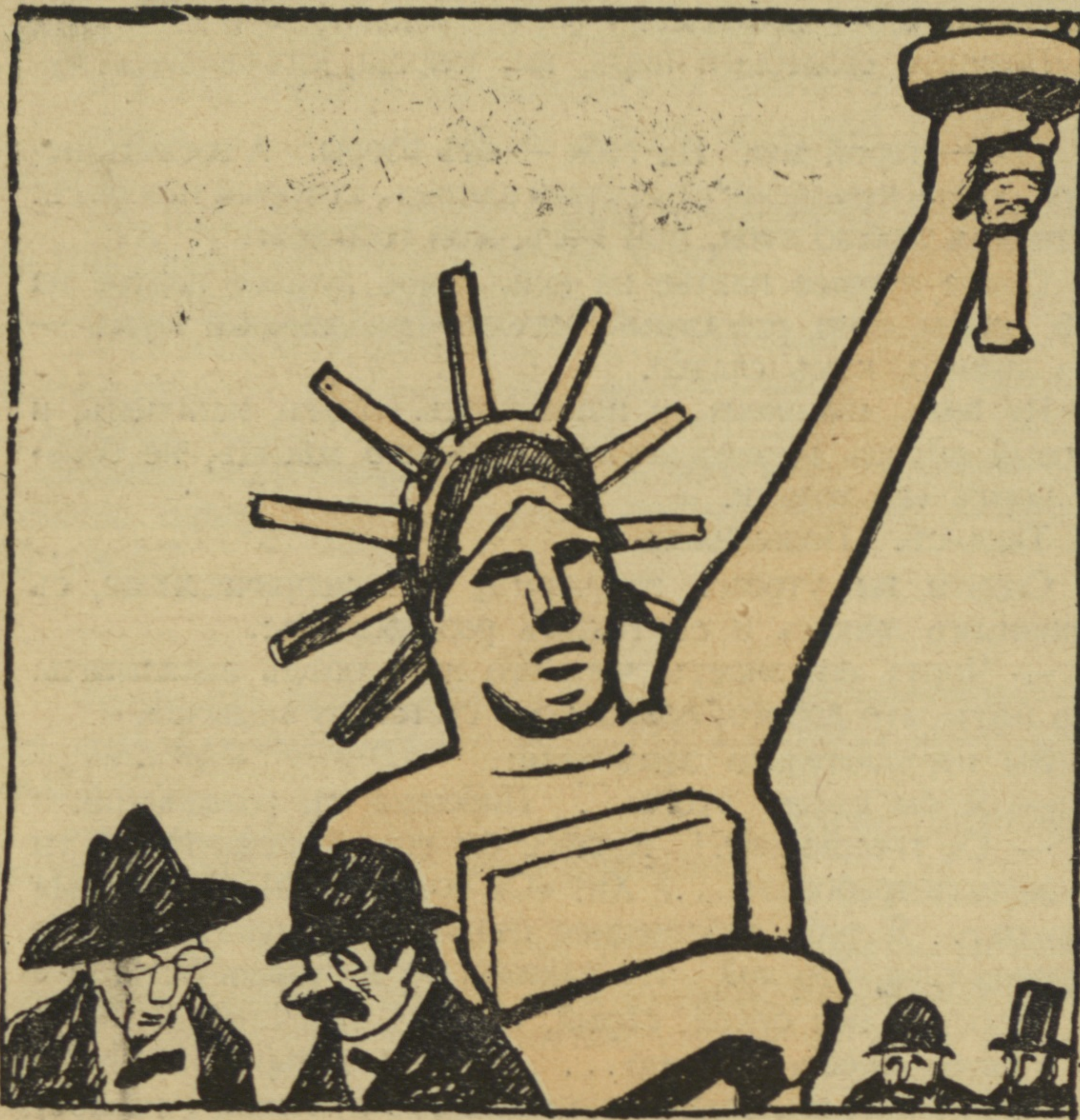
— Помилосердствуй, матушка! Вѣдь у меня не денежный заводъ! Если ты каждую недѣлю будешь тратить по 500 рублей, это никакихъ капиталовъ не хватитъ!

УСЫНОВЛЕННЫЙ.

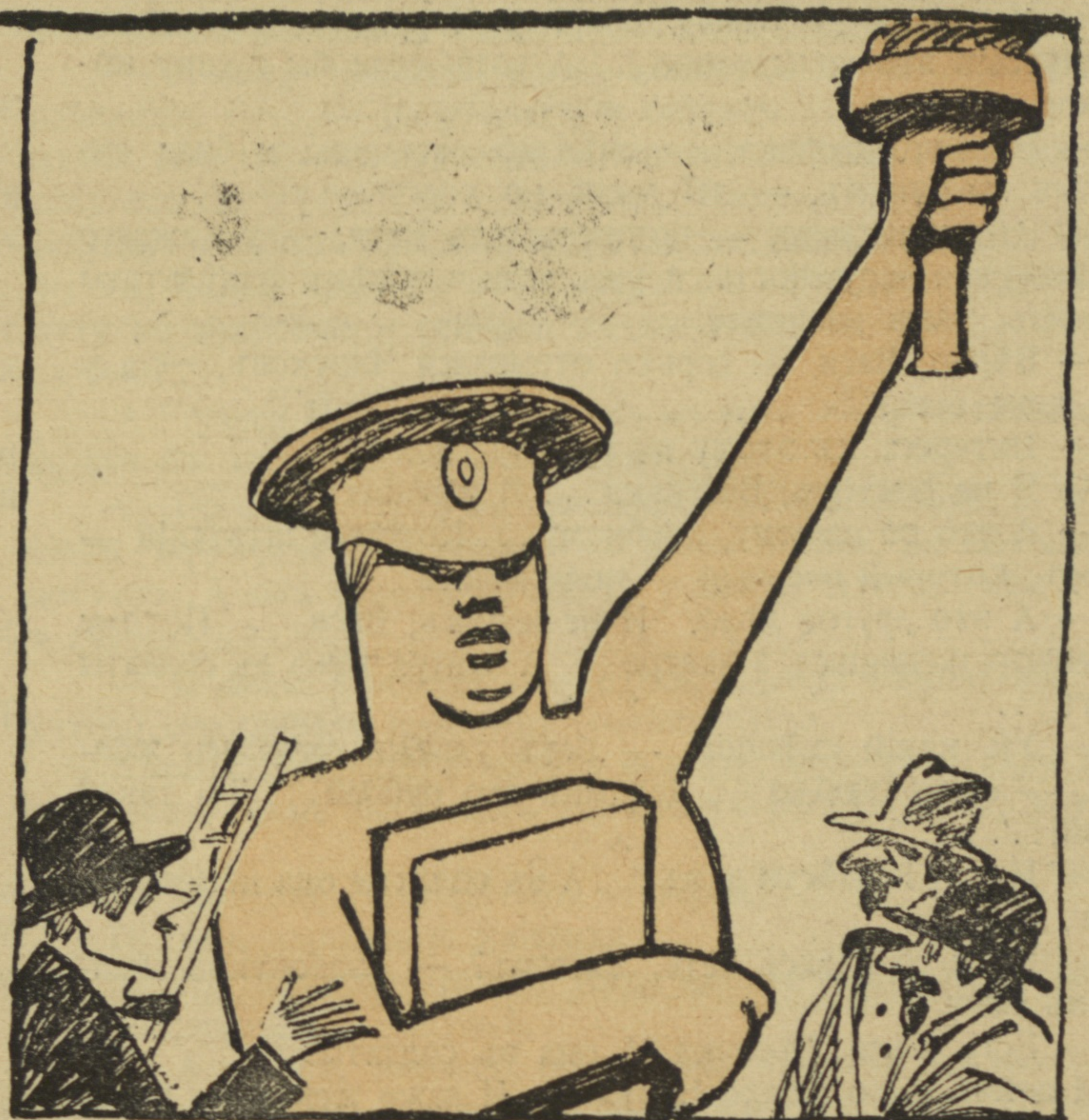
Рис. Н. Радлвг.

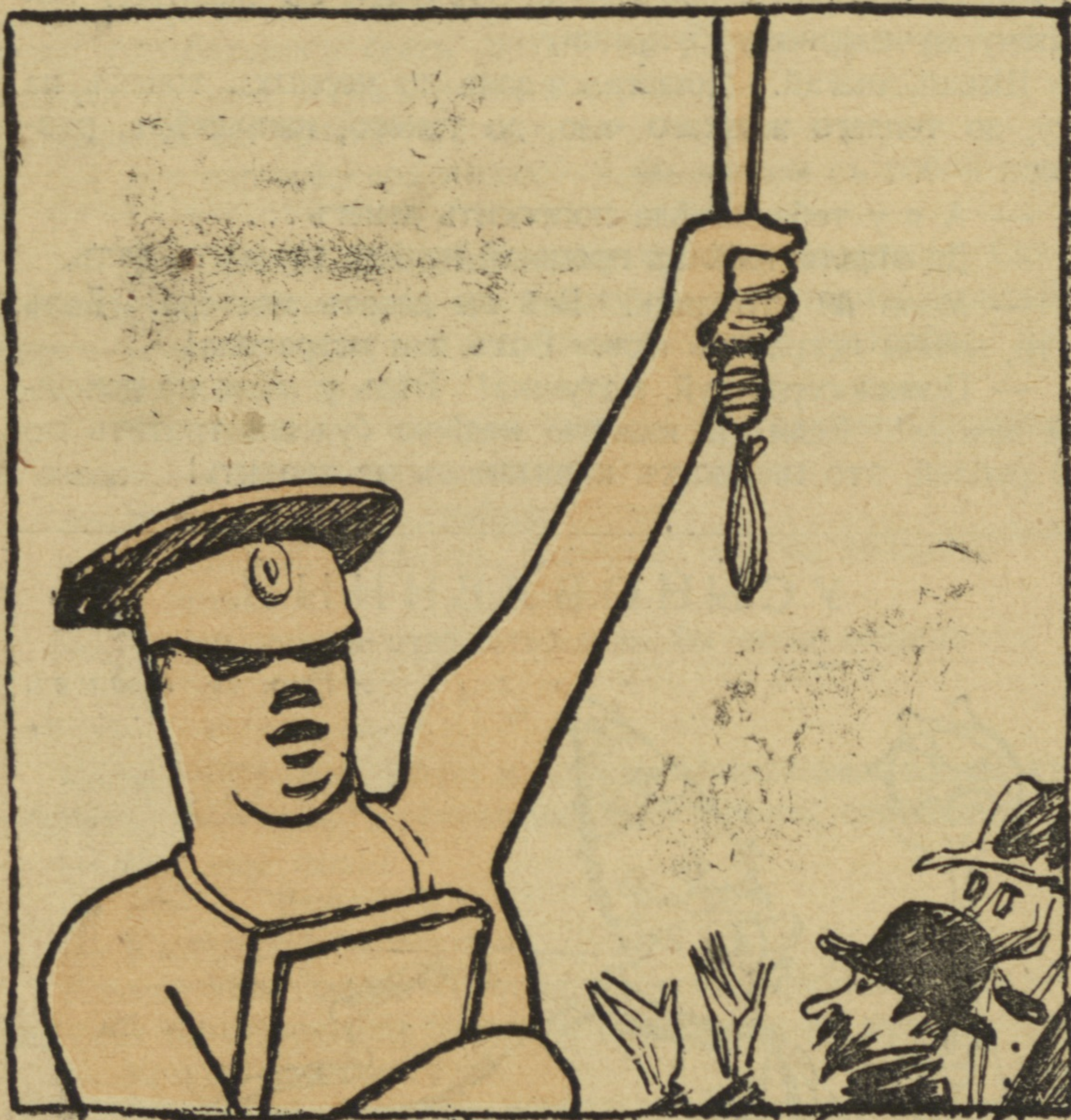
Миръ: — Наконецъ-то и я не сирота... Наконецъ-то и я съ папой могу въ люди показаться.

— Наконец-то и въ Россіи воздвигнули статую свободы. Совсѣмъ какъ у американцевъ. Ура!

— Только вѣдь голову ей накрыть надо. Климатъ у насъ такой, что неудобно...

Опять же и въ ручку-то что-нибудь существенное вставить надо. Все-таки для приличія.

— А ужъ безъ оружія это, извините... Не такое теперь время... Военное теперь время...

— Готово!.. Спасайся, кто можетъ!!

— На то ты и мужчина, чтобы зарабатывать!

— А ты на что, — женщина? На то, чтобы цѣлыми днями валяться, ничего не дѣлая, по диванамъ, грызть шоколадъ и читать плуѣйшія книжки?! Для этого я на тебѣ женился?

— Ахъ, вотъ ты куда метнулъ?! Отчего же, буржуй ты несчастный, когда дѣлалъ мнѣ предложеніе, и то и се общалъ, и на рукахъ носить и молиться на меня, а теперь...

— Поѣхала!.. Развѣ зналъ я, что ты окажешься душой и распустѣхой?!..

Брань. Плачь. Истерика. Любопытные сосѣди, подхижикивая, заглядываютъ въ окна. Стыдъ. Позоръ. Хочется вскочить и убѣжать, — да куда убѣжишь изъ собственного дома? Сиди, проклятый, на своемъ мѣстѣ и мучайся.

Связаны вы другъ съ другомъ и уже не «рука-объ-руку къ лучезарному будущему», а два каторжника, прикованные къ общей тачкѣ до конца жизни.

А вѣдь, — помнишь, — были цвѣты, была бѣлая фата, были привѣтственные клики радостныхъ гостей.

Гдѣ это все, — ах!..

Кончился медовый мѣсяць.

Какъ мы всѣ мечтали о свободѣ для Россіи, — помни-те? О свободѣ съ заглавной буквы. Сколько было бессонныхъ ночей, сколько согрѣтыхъ раскаленной головой подушекъ... Да вѣдь, если бы взять все это подушечное тепло, да собрать въ одно мѣсто, такъ цѣлый городъ можно отопить.

Лучшіе наши люди на висѣлицу, на плаху шли, только за то, чтобы губами прикоснуться къ краю красной мантіи этой высокой, гордой, смѣлой, прекрасной, замѣчательной красавицы.

О, боги! Обладать такой неземной роскошной, женщиной, — впору добиться этого и умереть у ея ногъ отъ разрыва сердца.

Добились... Что это была за великолѣпная пышная свадьба: красные цвѣты, веселые огни горящихъ участковъ, поздравленія сосѣдей, милая стыдливая любящая улыбка на лицѣ прекрасной невѣсты Свободы, ликующія, восторженные лица свободныхъ гражданъ на улицахъ, — такъ отпраздновали свадьбку, что дай Богъ каждому.

Ну, что жъ... Вотъ и отпраздновали.

И медовый мѣсяць былъ очень хорошій, — мартъ.

Какъ въ угарѣ были молодожены.

А теперь сидимъ мы другъ противъ друга и пьемъ чай.

Чайшко-то паршивенькій, потому сахару нѣтъ, самоваръ позеленѣлъ, — некогда почистить; хлѣбъ... вмѣсто хлѣба какой-то тяжкій полусырой кирпичъ. (Горничная мнѣ объяснила, что булочки, вынувъ хлѣбъ изъ печи, бросаютъ его въ холодную воду для вѣсу). У жены волосы растрепаны, на носу слѣды плохо стертой пудры и одна бровь — конечно, лѣвая, — совсѣмъ растаяла, потекла грязной струйкой по потному отъ десятого стакана чаю, — лицу.

— Денегъ-то... дашь? — жадно спрашиваетъ она, звучно сжебывая чай съ блюдечка.

— Матушка, да откуда же я тебѣ возьму? Работаю, какъ каторжный, даю, даю, — куда это все дѣвается?!

— Новое красное платье закажу.

— У тебя уже и такъ ихъ чуть не сотня. Въ плазахъ рябить! Ты бы лучше дѣломъ занялась, чѣмъ по диванамъ валяться да сѣмечки лущить.

— Да у меня и есть дѣло. Я съ контръ-революціей борюсь.

Гляжу я на ея сонное ожирѣвшее лицо и думаю:

— Эхъ ты, матушка! Да знаешь ли ты, что эта контръ-революція въ тебѣ самой и сидитъ, въ этомъ заспанномъ лицѣ, въ этой широкой жадной пасти, въ этомъ объемистомъ чревѣ, которое я никакъ не могу наполнить, какъ я ни работаю, какъ ни тружусь.

— Ты бы лучше въ комнатахъ прибрала... Погляди: грязь, мусоръ, сѣмечная шелуха и яичная скорлупа. Да и сама бы ты причесалась, что ли... Да сняла бы этотъ вѣковѣчный красный засаленный капотъ. Вѣдь сосѣди смѣются.

— А начихать мнѣ на твоихъ сосѣдей! Французишки-буржуи, да англичане — имперіалисты! Важное кушанье! Мнѣ главное, что обо мнѣ Каролина Карловна думаетъ, а остальные, — фунтъ вниманія, пудъ презрѣнія...

Гляжу я на нее, — и холодный ужасъ сковываетъ мои

мысли: вѣдь это уже навсегда! Навсегда эта жирная, жадная, неопрятная женщина будетъ около меня, будетъ сосать мои соки и держать меня въ грязи и забросѣ.

Гдѣ исходъ?

Исходъ единственный... Я молитвенно гляжу на старый потемнѣвшій образъ, передъ которымъ давно не теплилась лампада, и шепчу дрожащими устами:

— Боже, сдѣлай чудо! Только Ты одинъ можешь сдѣлать чудо. Сдѣлай ее, эту женщину, — навсегда невѣстой въ подвѣчномъ нарядѣ, сдѣлай, чтобы она всегда любила меня, какъ любилъ ее я, сдѣлай такъ, чтобы намъ было хорошо другъ съ другомъ, и сдѣлай такъ, чтобы никогда ни одно слово проклятія не вырвалось у меня по адресу этой женщины, которая вмѣсто того, чтобы «идти рука-объ-руку навстрѣчу лучезарному солнцу», — попросту ухватила меня за шиворотъ и тащить меня, безграмотная, невѣжественная въ какую-то страшную тьму, гдѣ гады, паутина забвенія и мракъ... Спаси, Господи, люди Твоя.

Арк. Аверченко.

ЭВОЛЮЦІЯ АППЕТИТА.

I.

Историки всѣхъ странъ — смѣшные старички,
Облазивъ глубь пещеръ время Палеолита
Прадѣдушку людей, угрюмца троглодита
Въ лѣсу замѣтили сквозь темные очки.
Сородичъ шимпанзе настойчивъ, терпѣливъ,
Среди звѣриныхъ чащъ разумнѣйшимъ жилъ звѣ-
ремъ, —

Онъ выдолбилъ въ скалѣ пещеру — мрачный теремъ,
И моря сторожилъ рокошущій приливъ.
Въ обросшемъ черепѣ глухая мысль жила,
Но въ бѣгѣ времени, въ круту беззвучныхъ сутокъ,
Вопилъ неистово некормленный желудокъ,
И въ мясо направлялъ стрѣлу изъ-за угла...
Въ дыму костра шипѣлъ изжаренный кусокъ —
Смирнѣйшій предѣлъ утробы человѣчьеи,
И радость на губахъ въ гортанной пѣла рѣчи,
Плодовъ диковинныхъ густой смакуя сокъ...
Такъ было въ древности, упорный аппетитъ,
Свое заполучивъ, владѣльца не тревожилъ,
И сердца маятникъ стучалъ подъ смуглой кожей,
И сонъ былъ недвижимъ, какъ дѣвственный гранитъ...

II.

Но Хроносъ постарѣлъ. Пожравши сотни лѣтъ,
Изъ зависти давно изгадилъ человѣка —
Погналъ съ пращей его къ чужимъ морямъ и рѣкамъ
Путемъ дымящимся отъ труповъ и побѣдъ.
Онъ въ жилы влилъ вино и въ мышцы хищныхъ
рукъ, —

Онъ далъ безумцу умъ и мечъ святого гнѣва,
Далъ душу съ крыльями и бѣшеное чрево,
Далъ сердце вѣщее и напряженный лукъ.
За вѣкомъ новый вѣкъ сметали прочь метлой...
Навозомъ пурпурнымъ равнины удобряя,
Шель Иродъ-человѣкъ къ вратамъ нагорнымъ рая...
И смерть, раскрывши пасть, вертѣлась вслѣдъ юлой...
За мясомъ шель впередъ, порячимъ словно кровь,
И брюхо корчилось подъ игомъ аппетита.
Планеты, звѣзды, міръ онъ превратилъ въ корыто,
Какъ дѣвку пьяную прогнавши прочь любовь...
Историки всѣхъ странъ, смѣшные старики,
Поклонники ума, — возьмите зычный молотъ —
Пусть будетъ шаръ земной на сто частей расколотъ,
И созданъ Богомъ вновь на кладбищѣ тоски...

Александръ Флитъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Дракончики.

Есть мѣропріятія, въ подлинность которыхъ трудно повѣрить. Но одинажды повѣривъ, можно много и долго смѣяться.

Центральной продовольственной управой, руководимой Грономъ, приняты всѣ мѣры для того, чтобы воспрепятствовать доставкѣ въ Петроградъ частными лицами продовольственныхъ продуктовъ хотя бы въ самомъ незначительномъ количествѣ для своихъ надобностей. Съ этой цѣлью управой командированы на всѣ вокзалы особыя лица, присутствующія при полученіи багажа, которыя немедленно реквизируютъ всѣ съѣстные припасы.

Неаккуратные люди, привыкшие къ тому, чтобы у них на бородѣ и усахъ висѣли остатки недавняго обѣда, немедленно же послѣ ареста будутъ отводиться въ комиссаріатъ для подробнаго опроса: ввезли ли они эти продовольственные продукты для перепродажи по повышеннымъ цѣнамъ, или для личного пользованія.

Люди, отъ которыхъ пахнетъ рыбой, тоже подлежатъ аресту.

Вообще ввозить продукты запрещено исключительно съ гуманной цѣлью: не раздражать населеніе. Сами понимаете, каково нервному впечатлительному человѣку вдругъ среди бѣла дня увидѣть настоящій кусокъ сыра, или, что еще ужаснѣе — кусокъ колбасы?..

Осиновый колъ.

Главнаго подсудимаго на процессѣ Сухомлинова все-таки не было:

— Ихъ свергли-съ.

И не противъ Сухомлинова, а противъ всего того, что ще недавно было въ силѣ и къ чему насъ понемногу хотятъ перетянуть кое-какіе уже сегодняшніе людишки, вылилось это чудовищное обвиненіе генерала Янушкевича.

Союзники, враги и нейтральные! Если вы будете писать исторію самодержавной Россіи, не забудьте объ этомъ разсказѣ ген. Янушкевича: онъ важнѣе для русской исторіи десяти томовъ изслѣдованій:

Пока шла почтово-телеграфная работа, арміи сражались голыми руками. Бывали случаи, когда въ нашихъ войскахъ выдавалось по одному снаряду въ день на орудіе, а противникъ на нашъ одинъ снарядъ отвѣчалъ тысячами выстрѣловъ. Наши войска несли страшныя потери. Ихъ не жалѣли, потому что вѣрили въ близкій подвозъ новыхъ снарядовъ, какъ это обѣщали изъ Петрограда.

Конечно, это было лишь обѣщаніе. Снарядовъ не дали. Пришлось отступать, бросить Львовъ и искать защиты, выбирая мѣста, стратегически неудобныя. Въ это время нѣмцы, увѣренные, что намъ нечѣмъ отвѣчать, вывозили свою артиллерію на недопустимо близкое разстояніе къ намъ, на какихъ-нибудь 2.000 шаговъ отъ насъ, и съ этого разстоянія разстрѣливали наши беззащитныя войска. Люди, гибли безъ числа и гибли наиболѣе цѣнные, хорошо обученные гибли первые кадровые солдаты.

Такова и картина ружейнаго голода. Сначала пришлось давать по одной винтовкѣ на двоихъ, потомъ одну винтовку на троихъ, затѣмъ на четверыхъ и, наконецъ, дошло до того, что имѣлось лишь по одному ружью на каждыхъ 10 солдатъ.

Нечѣмъ было стрѣлять въ окопахъ, нечѣмъ было обучать пополненія. Кое-какъ наскоро обученные люди ждали въ тылу, пока убьютъ ихъ товарищей, чтобы взять ружья убитыхъ.

А изъ Петрограда все слали обѣщанія...

Никто не умѣетъ такъ забивать осиновые колы въ спину покойника, какъ его ближайшіе родственники и тѣ, кто помнить какой постъ занималъ ген. Янушкевичъ при старомъ режимѣ, тѣ послѣдніе согласятся съ нами, что заявленіе г. Янушкевича въ провѣркѣ не нуждается.

ДѢТИ.

Въ саду играютъ дѣти. Въ футболъ. Большой коричневый мячъ, обтрепанный, покорный, пыльный, похожій на лысый черепъ уличнаго индусскаго мудреца, устало катится по песку и взлетаетъ отъ бѣшеныхъ толчковъ.

Играющихъ шесть-восемь.

Я сижу на скамьѣ съ газетой въ рукахъ. Читать не могу, — тяжело и тошно. Остается — смотрѣть на дѣтей. Смотрю.

Въ центрѣ играющихъ смѣшной полный мальчишка, лѣтъ девяти, въ морской фуражкѣ съ позолоченной надписью: «Геркулесъ». Его игра невольно вызываетъ улыбку. Онъ стоитъ все время, широко разставивъ ноги, и важно ждетъ приближенія мяча. Но, когда мячъ стремительно летитъ прямо на него, — онъ пугается, нагибается, беспомощно топчется на мѣстѣ и, въ концѣ концовъ, мячъ достается другимъ. Когда же ему удается словить мячъ, онъ совершенно спокойно беретъ его и съ видомъ собственника уходитъ въ сторону.

— Да скорѣе, ты! Чего заснулъ!

Но онъ не торопится. Крѣпко держитъ мячъ. Наконецъ, подъ вліяніемъ окриковъ бросаетъ его, конечно, криво и нелѣпо, и мячъ летитъ въ кусты.

Газетныя слова и понятія прочно засѣли во мнѣ, и я смутно думаю, что этотъ мальчишка — кадетъ. Вѣдь кадетизмъ, какъ и большевизмъ, какъ и другія политическія теченія — сидитъ въ глубинѣ человеческой души, сидитъ съ самаго рожденія. Я думаю, это безспорно. И почему-то начинаю чувствовать ненависть къ этому толстому мальчишкѣ съ самодовольной физиономіей и осторожной игрой. Въ его движеніяхъ, — я вижу кадетскую тактику, въ его возгласахъ, — слышу кадетскія рѣчи, и это смѣшитъ меня.

Конечно, среди играющихъ есть и «большевикъ». Вотъ онъ: худой, крѣпкій, длинноногий, съ поясомъ въ рукахъ, съ фуражкой на затылкѣ и разстегнутымъ воротомъ курточки. Мячъ летитъ въ пяти сажняхъ отъ него и высоко летитъ, но «большевикъ» прыгаетъ, какъ воробей, прыгаетъ, тянется къ нему руками и ни минуты не отдыхаетъ. И, — смотрите! — какъ онъ горитъ, когда мячъ на минуту попадаетъ къ нему въ руки. Онъ размахивается, такъ, точно собирается полетѣть вмѣстѣ съ нимъ, затѣмъ толкаетъ мячъ одновременно и ногой, и рукой, и еще бѣжитъ за нимъ, и дико кричитъ и, наконецъ, теряетъ равновѣсіе отъ пылкихъ движеній.

Я вижу, — совершенно отчетливо вижу, — этого мальчишка выросшимъ. Вотъ онъ въ циркѣ «Модернъ» произноситъ большевистскую рѣчь. Тѣ же движенія, что и тутъ, то же искаженное отъ страсти лицо...

Въ концѣ концовъ, это занятіе меня увлекаетъ, и я начинаю отыскивать среди дѣтей не только партіи, но и отдѣльных дѣятелей.

Вотъ, напримѣръ, этотъ маленькій мальчишка въ тяжелыхъ длинныхъ брюкахъ съ выпученными испуганными глазами, который стоитъ въ сторонѣ и наблюдаетъ, — это Бурцевъ. Прирожденный Бурцевъ. Не сомнѣваюсь, что если подойти къ нему и спросить, онъ сразу укажетъ, кто здѣсь среди играющихъ съ мячомъ, — провокаторъ. Но къ счастью, никто этимъ не интересуется, и маленькій Бурцевъ пока не у дѣлъ.

А интересно, гдѣ же Керенскій? Вѣдь Керенскій долженъ быть! Онъ и есть. Вотъ онъ!

Этотъ миленькій худой мальчишка въ бѣлыхъ штанишкахъ, съ тонкой шеей, съ благороднымъ худымъ личикомъ, — это Керенскій. Онъ весь въ порывѣ, весь въ горѣніи. Онъ въ центрѣ, онъ впереди всѣхъ, онъ доброжелателенъ ко всѣмъ, онъ выше всѣхъ, и «кадетъ» и «большевикомъ», ему важно, чтобы летѣлъ правильно мячъ, чтобы высоко летѣлъ...

И онъ бѣжитъ по всѣмъ направленіямъ, вырываетъ у всѣхъ мячъ почти изъ-подъ носа, бросаетъ и опять бѣжитъ его ловить...

Рис. Д. Митрохина.

Слюнявый мальчишка на кривыхъ ногахъ, почему-то съ ключомъ въ рукѣ, стоитъ и ухмыляется. Его все радуетъ: и бѣснующійся «большевикъ», и самодовольный, упрямый и никчемный «кадетъ», и «Керенскій» и всѣ остальные. Чему онъ ухмыляется, — неизвѣстно. Онъ не играетъ, но, когда около него падаетъ мячъ, онъ быстро ударяетъ его ключомъ, толкаетъ ногой и убѣгаетъ... Странная партія. Я счень затрудняюсь назвать ее, но знаю, что такая, безусловно, есть...

Вдругъ происходитъ заминка, появляется откуда-то сторожъ и гонитъ дѣтей.

— Уходите отсюда! Довольно! Нечего тутъ мячомъ! Публика жалуются. Чуть младенца, вонъ въ той коляскѣ не задавили... Какъ сумасшедшіе все одно, — разыгрались!

Всѣ стоятъ съ раскрытыми ртами въ сразу увядшихъ позахъ. «Кадетъ» оказывается за спиной у спиной у всѣхъ, и оттуда поносится его рѣзкій голосъ:

— Вы не имѣете права.

— Ну, забирайте мячъ, живо! — говоритъ сторожъ, — тутъ не мѣсто для игры!

«Большевикъ» хмуро, исподлобья смотритъ на сторожа и вдругъ кричить:

— Мальчишки! Да что его слушать! Давайте играть!

И, по случаю «происшествія», бросаетъ мячъ не только при помощи рукъ, ногъ, всего туловища, но даже головы, такъ, просто, бросаетъ мячъ и отталкиваетъ его лбомъ.

Остальныя дѣти окружили сторожа и галдятъ.

«Керенскій» хлопочетъ, убѣждаетъ, грозитъ...

У «Бурцева» еще болѣе выпучились глаза. Онъ внимателенъ до дрожи. Онъ знаетъ, въ чемъ тутъ дѣло. Но его никто не спрашиваетъ, и онъ пока молчитъ. Но это не важно. Онъ потомъ, когда вырастетъ, напечатаетъ всю исторію.

А тотъ, кривоногій, пользуясь суматохой, добрался до мяча и бьетъ его для чего-то изо-всѣхъ силъ ключомъ... и шпыняетъ ногами... Зачѣмъ?..

Милыя дѣти! Я никогда раньше вамъ не завидовалъ, но теперь, не скрою, завидую! Какое счастье, какое великое счастье ждетъ васъ, если бы вы знали!

Когда вы вырастете, — Россія, надо надѣяться, будетъ въ такомъ положеніи, когда не нужны будутъ ни кадеты, ни большевики, ни всякія партіи. Будутъ просто свободные граждане. И если бы вы знали, какое это счастье, что въ васъ не проявится то, что въ васъ заложено!

Вѣдь теперь такъ темно и скверно отчасти потому, что въ каждомъ изъ насъ все это проявляется... Не можетъ не проявиться!

Я вамъ очень завидую, дѣти!

Ефимъ Зозуля.

Редакторы: { Арк. Буховъ.
А. Т. Аверченко.

Издатель: Т-во „Н. Сатириконтъ“.
Петроградъ, Невскій пр., 88. — Тел. 59-07.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59—07.

Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 3-хъ руб. за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія книги:
Театральная библіотека „Новаго Сатириконтъ“.

Аркадій Аверченко.

Томъ 1-й. 8 одноактныхъ пьесъ.
Цѣна 2 рубля.

Томъ 2-й и 4-й. Бенгальскіе огни.
Цѣна 2 рубля

Томъ 3-й. Чортова дюжина.
Цѣна 2 рубля.

Томъ 5-й. Безъ суфлера.
Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ 6-й. Подъ холщевыми небесами.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Тэффи.

Томъ 1-й. 8 миниатюръ.

Цѣна 2 рубля.

Томъ 2-й. Новыя миниатюры.

Цѣна 2 рубля.

Дешевая юмористическая библіотека „Новаго Сатириконтъ“.

№ 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 11, 12 —
Аркадій Аверченко.

№ 13 — Тэффи.

№ 14 — Г. Ландау.

№ 15 — Аркадій Аверченко.

№ 16 — О. Л. Д'Орь.

Спеціальныя выпуски Дешевой библіотеки.

Аркадій Аверченко.

О нѣмцахъ и о прочемъ... такомъ.

Пять чемодановъ.

Записки театральной крысы.

Человѣки.

Позолоченныя пилюли.

Вл. Азовъ.

Шипы безъ розъ.

Тэффи.

Зарево жизни.

Житье-бытье.

О. Л. Д'Орь.

Проклятiе начавшимъ.

Аркадій Буховъ.

Точка зрѣнія.

Цѣна каждаго выпуска — 20 коп. = Книготорговцамъ — скидка обычная.

Юмористическіе альманахи „Новаго Сатириконтъ“ при участіи авторовъ:

А. Аверченко, Вл. Азова, А. Бухова, Евг. Вѣнскаго, Исид. Гуревича, Е. Дольскаго, О. Дымова, Г. Ландау, О. Л. Д'Ора и Тэффи. Иллюстраціи художниковъ: А. Радакова, В. Лебедева, Ре-ми и А. Юнгера.

Осиковый колъ на могилу зеленаго змія.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Теплая компанія (Съ кѣмъ мы боюемъ).

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Письмовникъ „Новаго Сатириконтъ“.

(Съ приложеніемъ самоучителя танцевъ.)

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Физиологія и анатомія человѣка.

(Съ приложеніемъ психологіи человѣка.)

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Всеобщая исторія, обраб. сатириконтцами.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Вѣстникъ знанія „Новаго Сатириконтъ“.

(Оккультныя науки. Энциклопедическій словарь. Хрестоматія для дѣточекъ.)

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Н Е У Д А Ч Н Ы Й А Э Р О Н А В Т Ъ .

Папа: — Эхъ, хорошій цеппелинь поддержалъ бы меня лучше.

С. Х. 1909